

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
Центр изучения и прогнозирования
российско-китайских отношений

Решения
XIX съезда КПК
и перспективы
российско-китайских
отношений

Москва
ИДВ РАН
2018

УДК [32+338](510)+327(470+510)
ББК 65.9(5Кит)+66(5Кит)+66.4(2Рос)(5Кит)
Р35

Рецензенты:

д.полит.н. В.Е. Петровский, д.э.н. А.И. Салицкий

Редакционная коллегия:

к.и.н. А.О. Виноградов (отв. ред.-сост.), к.и.н. А.С. Исаев,
к.э.н. Е.И. Сафронова, к.и.н. С.В. Уянаев

Р35 Решения XIX съезда КПК и перспективы российско-китайских отношений / отв. ред.-сост. А.О. Виноградов. — М. : ИДВ РАН, 2018. — 112 с.

ISBN 978-5-8381-0330-7

Монография, подготовленная коллективом авторов, — научными сотрудниками Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений (ЦИПРКО) ИДВ РАН и приглашенными специалистами из других подразделений Института, посвящена анализу и прогнозу развития российско-китайских отношений в свете решений XIX съезда Коммунистической партии Китая (октябрь 2017). Научной основой написания данной коллективной монографии стал Круглый стол, состоявшийся в ЦИПРКО в ноябре 2017 г., в ходе которого были подняты и рассмотрены актуальные вопросы внешней политики КНР и российско-китайских отношений с учетом итогов съезда КПК. В работе характеризуются новые подходы китайской стороны к вопросам внутренней и внешней политики КНР, рассматриваются теоретические построения, выдвинутые на съезде и касающиеся международных проблем. Особое внимание в монографии уделено перспективам развития российско-китайских экономических и политических отношений.

Ключевые слова: РФ, КНР, КПК, Россия, Китай, съезд КПК, внешняя политика, экономика, российско-китайские отношения.

УДК [32+338](510)+327(470+510)
ББК 65.9(5Кит)+66(5Кит)+66.4(2Рос)(5Кит)

ISBN 978-5-8381-0330-7

© Коллектив авторов, 2018
© ИДВ РАН, 2018

Содержание

От редактора	5
Введение. XIX СЪЕЗД КПК: МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ И РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО	8
Раздел I. XIX СЪЕЗД КПК О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КНР	15
Раздел II. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР В РЕШЕНИЯХ XIX СЪЕЗДА КПК	21
2.1. Проблемы внешней политики на XIX съезде КПК	21
2.2. XIX съезд КПК: преемственность во внешней политике КНР и перспективы российско- китайских отношений	31
2.3. О некоторых внешнеполитических идеях Китая после XIX съезда КПК	39
2.4. К вопросу о трактовке китайской концепции «сообщества единой судьбы»	45
2.5. XIX съезд КПК и китайско-американские отношения	54

Раздел III. ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ	66
3.1. XIX съезд КПК и его возможные последствия для внешней политики КПК/КНР и российско-китайских отношений	66
3.2. XIX съезд КПК: что он может значить для России	77
3.3. Некоторые аспекты российско-китайского экономического и культурного взаимодействия в свете решений XIX съезда КПК	84
3.4. XIX съезд КПК и российско-китайское сотрудничество в гуманитарной сфере	93
Заключение	105
Summary	109
Об авторах	110

От редактора

С 18 по 24 октября 2017 г. в КНР проходил XIX съезд Коммунистической партии Китая. Как подчеркивали китайские СМИ, съезд носил «открытый» и «глобальный» характер: его освещали более 3600 журналистов из 134 стран и территорий мира, в том числе 1818 корреспондентов из Гонконга, Макао и Тайваня. Сама идея «всестороннего освещения» «события мирового значения» преподносилась как трансляция «голоса Китая» всему миру и разъяснение «будущего плана развития страны».

В связи с этим событием 8 ноября 2017 г. Центром изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН был организован Круглый стол «XIX съезд Коммунистической партии Китая и российско-китайские отношения». В работе Круглого стола приняли участие директор ИДВ РАН С.Г. Лузянин, заместитель директора ИДВ РАН А.В. Островский, академик РАН В.С. Мясников, главные научные сотрудники ИДВ Ю.М. Галенович, А.В. Ломанов, В.Е. Петровский, ведущие научные сотрудники ИДВ РАН М.В. Александрова, А.О. Виноградов, А.С. Исаев, А.Г. Ларин, Е.И. Сафронова, старший научный сотрудник ИДВ РАН А.Ч. Мокрецкий, заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока» А.С. Давыдов.

По результатам прошедшего на Круглом столе обсуждения, в ходе которого были затронуты важные аспекты внешней и внутренней политики КНР в свете решений XIX съезда КПК и их влияние на российско-китайские отношения, коллективом авторов и была подготовлена настоящая монография.

Ее авторы — С.Г. Лузянин (Введение), М.В. Александрова (разд. 3.3), А.О. Виноградов (Заключение), Ю.М. Галенович (разд. 3.1), А.С. Давыдов (разд. 2.5), А.С. Исаев (разд. 3.4), А.Г. Ларин (разд. 3.2), А.В. Ломанов (разд. 2.1), А.Ч. Мокрецкий (разд. 2.3), А.В. Островский (разд. 1), Е.И. Сафронова (разд. 2.4), С.В. Уянаев (разд. 2.2).

* * *

В сравнительно небольшом по объему внешнеполитическом разделе (чуть более двух страниц китайского текста) доклада Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина основное внимание было уделено строительству «сообщества единой судьбы человечества» и характеристике международной обстановки в целом. Что касается межгосударственных отношений, то здесь Си Цзиньпин повторил в кратком виде формулировку, предложенную еще на предыдущем съезде его предшественником — Ху Цзиньтао. В соответствии с этой формулировкой, все страны мира делятся для Китая на три вида: крупные страны (даго 大国), сопредельные страны (чжоубьяньгоця 周边家) и развивающиеся (фачжаньчжун гоця 发展中国家). Изменился только перевод, предлагающийся китайской стороной для первой группы стран — если в русскоязычной версии Доклада Ху Цзиньтао это были «развитые страны», то теперь их перевели как «ведущие страны». В отношении них нужно, во-первых, «продвигать координацию и сотрудничество», а во-вторых, «установить такие рамки отношений, в которых они бы развивались в целом стабильно и сбалансированно» (пер. — А.О. Виноградов). Заметим, что задача построения с этими странами «нового типа отношений» больше не ставится. То есть она, видимо, считается выполненной.

В отношениях с двумя другими группами стран формулировки, по сути, не изменились, добавилась только концепция «亲诚惠容» (цин чэн хуэй жун) по отношению к сопредельным странам, которая переводится как «доброжелательность, искренность, взаимовыгодность и инклюзивность». Заметим, что она содержит тот же иероглиф 惠, использованный для характеристики этих отношений и в докладе Ху Цзиньтао и означающий «милость, благодетельствовать, оказывать честь, пожаловать, удостоить», что не совсем равноценно

переводу «взаимовыгодность». Кстати, и первый иероглиф, переведенный как «доброжелательность», имеет значение «родственный», так что перевод тоже не совсем точный.

Хотя тематика российско-китайских отношений на съезде не затрагивалась, тем не менее прошедший в Пекине съезд компартии Китая — лишний повод непредвзято взглянуть на их современное состояние и попытаться высветить и проанализировать не только достижения, но и проблемы, существующие в двустороннем взаимодействии, а также обрисовать его перспективы.

А.О. Виноградов

Введение

ХІХ СЪЕЗД КПК:

МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ И РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

2017 год, как известно, стал годом XIX съезда партии и его основных идей по углублению и дальнейшему продвижению модели «социализма с китайской спецификой», включая внешнеполитическую часть. Очевидно, что часть официальных определений и понятий из внешнеполитической китайской лексики 2016 г. и более раннего периода («четыре содействия», «взаимный выигрыш», «совместное развитие» и др.) плавно трансформировались в повестку этого года.

Важным моментом стал отчет председателя КНР Си Цзиньпина о работе по реализации инициативы «Одного пояса, одного пути». Одновременно руководитель КНР «презентовал» относительно новую для китайского и международного сообщества идею «сообщества единой судьбы».

С идеей создания «сообщества единой судьбы» Си Цзиньпин на самом деле выступает, начиная с 2013 г. Китайский руководитель адресовал ее Африке, Латинской Америке, АСЕАН, а также сопредельным странам в целом («азиатское сообщество судьбы», «азиатско-африканское сообщество судьбы», «сообщество судьбы Китая и АСЕАН»). Одной из недавних вариаций на эту тему стала идея «со-

общества судьбы ядерной безопасности». В этих формулировках делается акцент на равноправии, взаимных консультациях о правилах взаимодействия, стремлении к партнерским отношениям, к открытости, инклюзивности, признанию многообразия культур и путей развития. Из китайских публикаций можно сделать вывод, что «сообщество единой судьбы» предполагает создание механизмов взаимодействия, предполагающих общую ответственность, формирование комплексного сотрудничества в политике, экономике и культуре.

Принципиально важным в этой идее является констатация, что ни одна большая держава не может навязывать другим государствам свои внутренние ценности¹. Современная политика, к сожалению, знает массу примеров, когда США и ряд других стран — союзников Америки под предлогом тех или иных «гуманитарных акций» силой навязывали свое понимание «справедливости и «ценностей», например, Ираку, Ливии и др.

Понятно, что объявленная идея нуждается в экспертном «наполнении» и развитии. В частности, просматривается исследование возможностей и выявление препятствий в процессе взаимодействия китайской и других сопредельных цивилизаций, перспективы формирования евразийского сообщества («Большой Евразии») в рамках сближения различных инициатив и проектов КНР, РФ, Казахстана и других государств континента.

Традиционный подход во внешней политике КНР, сформировавшийся, как известно, еще в эпоху правления Дэн Сяопина, базировался на принципе «проявлять скромность и держаться в тени». Сегодня речь идет о новых подходах как во внутренней, так и внешней политике, подтвержденных XIX съездом КПК, о переходе к активной, наступательной политике по отстаиванию своих национальных интересов и позиционированию в мире в качестве новой растущей большой державы.

Ключевой идеей съезда стал тезис о «подъеме китайской нации». Китайское национальное возрождение, на наш взгляд, — процесс непростой, таящий для самих китайцев и большие возможности, и ряд потенциально вызовов. Главный вызов — это вовремя отделить рост здорового патриотизма от элементов национализма. Учитывая наличие в ряде западных стран так называемой «теории» «китайской

угрозы», руководству КНР придется очень внимательно наблюдать и пресекать возможные негативные настроения.

Китайским руководством достаточно четко сформулированы цели и мотивация развития — к столетнему юбилею КПК (2021 г.) будет построено общество «среднего достатка», а к столетию КНР (2049 г.) создано богатое, сильное, модернизированное государство. Таким образом, будет реализована поставленная нынешним «пятым поколением» руководителей Китая под руководством председателя Си Цзиньпина сверхзадача — великое возрождение китайской нации².

С другой стороны, КНР объективно сталкивается с различными трудностями внутреннего и внешнего характера, связанными с трансформацией экономики, с переходом на новую, инновационную модель развития. На съезде все эти проблемы были также озвучены и дана четкая и ясная стратегия их решения.

Развернувшаяся после XIX съезда КПК дискуссия в экспертном сообществе по поводу интерпретации проблемы международной «глобальной ответственности» выявила достаточно широкий спектр мнений и подходов по данной проблеме. От осторожных позиций ряда китайских и российских политологов о преждевременности реализации подобного курса до радиальных заявлений о необходимости скорейшего продвижения КНР на глобальные позиции и создания более справедливого и рационального мирового порядка.

Материалы XIX съезда содержат установку на формирование более активной и «многослойной» китайской дипломатии, на необходимость развития отношений с крупными державами (США), странами — соседями (куда входит и Россия) и развивающимися государствами³. На XIX съезде китайское руководство фактически констатировало достижение промежуточного этапа формирования Китая как лидера нового мирового порядка. Были определены временные параметры формирования великой державы — Китая — 2050 год.

Скорее всего, это несколько завышенные сроки. На самом деле КНР уже вошла в большую геополитику и через 10—15 лет (если не произойдет форс-мажорных ситуаций в мире или в самом Китае) выйдет в абсолютные лидеры мирового сообщества.

На наш взгляд, ряд последних внешнеполитических инициатив Китая («Один пояс, один путь», взаимодействие с АСЕАН, деятельность в БРИКС и другие), фактически синтезирует геоэкономику и геополитику. Причем китайское руководство, не используя известные (классические) термины и отказываясь называть крупные внешние проекты геополитическими, фактически объединяет сухопутную и морскую геополитику поднимающегося Китая в единый трек. Подобный синтез дает возможность КНР маневрировать в широком географическом диапазоне — от евразийского пространства до Латинской Америки, Африки, южных морей и Северного морского пути. Китай вряд ли пойдет на радикальное обновление создавшегося мирового порядка. Но при этом он постепенно и мягко обновляет систему глобального управления — МВФ, ВТО, развивает БРИКС, расширяет совместно с РФ ШОС и др.

Поставленные XIX съездом задачи превращения страны в ведущее по совокупному и экономическому потенциалу государство означает, что Китай должен будет осуществить крупнейшее в истории перераспределение мирового рынка, намного превосходящее по своим масштабам потрясения, связанные со становлением Японии и Южной Кореи в качестве крупных промышленных держав. Рост японской и южнокорейской промышленности в 1960—70-е годы привел к разрушению одних крупных отраслей промышленности в Европе и США (например, гражданского судостроения) и к затяжным кризисным явлениям в других. Выход на подобный же уровень развития страны с численностью населения в десять раз большей, чем у Японии, повлечет за собой последствия, которые потенциально могут носить катастрофический характер для старых экономических центров мира. Кроме того, для решения этой задачи Китай, уже превратившийся в крупного экспортера капитала, должен будет превратиться в крупнейшего мирового инвестора во все сектора экономики для обеспечения расширения доступа своих компаний на мировые рынки.

Наращивание инвестиций в свою очередь поставит вопрос об их защите. Накопленные прямые иностранные инвестиции Китая за рубежом, по данным China Investment Tracker, по состоянию на начало 2017 г. достигали 1,65 трлн долл.⁴ Значительная часть этих ре-

сурсов была инвестирована в нестабильные регионы мира, такие как Африка и Ближний Восток. Инвестиции позволяют Китаю облегчить собственный выход на важные зарубежные рынки, установить контроль над источниками сырья, решать проблему избыточных производственных мощностей внутри страны. Защита столь крупной бизнес-империи является нелегкой задачей, и Китай постепенно создает как политические, так и военные возможности для ее решения.

В этих условиях принципиально важным вопросом для России является характер нынешних отношений двух великих держав — РФ и КНР и перспективы дальнейшего стратегического взаимодействия в мировой политике, экономике и гуманитарной сфере. Суверенитет, безопасность и развитие отражают основные национальные интересы двух стран. Москва и Пекин неоднократно подчеркивали, что они с уважением относятся к праву государств на выбор пути развития и социально-политической системы, и отмечали необходимость мирного урегулирования межгосударственных споров политическими и дипломатическими средствами⁵. Россия поддерживает «политику одного Китая», признавая Тайвань частью Китая, и занимает схожую позицию в отношении Синьцзяна и Тибета. Россия также настаивает на неприемлемости участия третьих сил в урегулировании споров в Южно-Китайском море.

Стремясь сохранить за собой полный суверенитет в принятии решений, Россия и Китай не являются военно-политическими союзниками. Москва и Пекин действуют в сфере внешней политики самостоятельно, но не в ущерб национальным интересам партнера. Суть таких отношений — углубленная координация политики, выработка согласованной позиции по поводу строительства нового, более эффективного и справедливого миропорядка, укрепления стратегической стабильности, урегулирования кризисных и конфликтных ситуаций в различных регионах мира. Согласно Концепции внешней политики Российской Федерации 2016 г., совпадение принципиальных подходов России и Китая к решению ключевых вопросов мировой политики рассматривается Россией в качестве одной из базовых составляющих региональной и глобальной стабильности⁶.

Поддержание глобальной стратегической стабильности и региональной безопасности — обязанность России и Китая как мировых держав и постоянных членов Организации Объединенных Наций (ООН). На международном уровне Россия и Китай выступают против незаконного внешнего вмешательства во внутренние дела государств, навязывания социально-экономической системы и политического строя, экстерриториального применения государствами национального права в нарушение международного права, односторонних санкций, выходящих за рамки согласованных в Совете Безопасности ООН и не соответствующих международно-правовым нормам. Россия и Китай содействуют развитию многополярности, выступая против односторонних действий и за укрепление центральной роли ООН в международных делах. Россия и Китай выступают против попыток отрицания, искажения и фальсификации истории Второй мировой войны и отстаивают ее итоги. Они осуждают попытки обеления фашизма, милитаризма и иных действий пособников трагедий войны.

Решительное противодействие международному терроризму — стратегический консенсус России и Китая. В обоих государствах совершаются террористические акты, и Россия и Китай заявляют о всемерном осуждении терроризма во всех его формах и проявлениях. Перед лицом угрозы «Исламского государства» и «Исламского движения Восточного Туркестана» (запрещены в России) Россия и Китай должны укреплять борьбу против распространения террористических и экстремистских идей, развивать обмен информацией в целях осуществления эффективного антитеррористического сотрудничества для совместного пресечения террористической активности, совместно противодействовать финансированию и материально-технической подпитке терроризма. Россия и Китай выполняют соответствующие резолюции Совета Безопасности ООН и рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), нацеленные на укрепление режима выявления и пресечения каналов финансирования террористических группировок. Кроме того, государства выступают за начало переговоров на Конференции по разоружению в Женеве о разработке международной Конвенции по борьбе с актами химического и биологического терроризма⁷.

Примечания

¹ URL: http://www.china.com.cn/cppcc/2017-10/18/content_41752399.htm

² Официально идея возрождения была объявлена 29 ноября 2012 г. председателем Си Цзиньпином в ходе его посещения выставки «Путь возрождения» в Национальном музее КНР. Подчеркивалось, что «китайская мечта» — это не только стремление к личному, материальному благополучию, но и мечта о сильном государстве, которое собственно и гарантирует ее осуществление.

³ URL: http://www.china.com.cn/cppcc/2017-10/18/content_41752399.htm

⁴ URL: <http://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>

⁵ URL: <http://kremlin.ru/supplement/5100/print>

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016. Ст. 84. URL: www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset.../2542248

⁷ URL: <http://kremlin.ru/supplement/5100/print>

Раздел I

ХІХ СЪЕЗД КПК

О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КНР

ХІХ съезд КПК Китай встретил с огромными успехами, которыми отметил 40-летие проводимых в стране экономических реформ. Было отмечено быстрое и стабильное развитие экономики за последние годы, что выразалось в высоких темпах роста валового внутреннего продукта (ВВП), промышленности и сельского хозяйства.

За отчетный период объем ВВП вырос с 54 до 80 трлн юаней (с 8,2 до 12,2 трлн долл). По этому показателю (при пересчете на американские доллары) Китай занимает 2-е место в мире после США и обеспечивает до 30 % вклада в мировую экономику. При сравнении результатов социально-экономического развития Китая за этот период по сравнению с результатами таких сопоставимых по своим масштабам стран, как Индия и Россия, следует отметить заметный отрыв Китая от этих стран. В частности, при сравнении Китая и Индии, которые в начале 1980-х годов находились на одном уровне, Китай в настоящее время опережает Индию уже в 5 раз. 25 лет тому назад экономика России по своим масштабам была больше китайской, а в настоящее время объем российской экономики составляет всего 1/7 часть китайской.

Эти показатели социально-экономического развития Китая демонстрируют успехи Китая в мире. В то время как мировая экономика время от времени попадает в полосу различных финансовых и экономических кризисов, китайская экономика уверенно движется

вперед. На фоне других стран мира китайская экономика развивается более быстрыми темпами и является своего рода буксиром для мировой экономики.

Особенно хорошо это заметно на примере сравнения темпов роста экономик КНР и США. Только во 2-м квартале 2017 г. темпы роста экономики КНР — 6,9 % более чем в три раза опередили темпы роста экономики США — 2,1 %. Такая же сравнительная динамика прироста ВВП США и КНР прослеживается на протяжении двух последних лет.

Китай сохраняет лидирующее положение в мире в сфере внешней торговли — 1-е место в мире по объему экспорта и 2-е место в мире по объему импорта. В валютно-финансовой сфере Китай становится одним из основных игроков на международном финансовом рынке, и китайская валюта — юань вошла в корзину обязательного резервирования МВФ наряду с американским долларом, евро, британским фунтом и японской иеной.

В социально-экономической сфере Китай тоже добился заметных успехов. Уже большая часть населения — 57,35 % превратились в городских жителей. Заметно вырос жизненный уровень населения в городе и деревне не только по сравнению с 1978 г. — первым годом реформы, но и с 2000 г. — началом XXI в. По средней заработной плате рабочих и служащих в городах в конце 2016 г. примерно 4000 юаней в месяц (около 40 тыс. руб. в месяц с учетом внутренних цен) Китай уже обогнал Россию (примерно 30 тыс. руб. в месяц). Большая часть китайского населения не только городского, но и сельского уже охвачена различными системами социального страхования: пенсионное обеспечение, различные формы медицинского страхования, пособия по безработице и другие виды социального страхования. К значимым достижениям было отнесено и то, что свыше 60 млн человек были «вырваны» из бедности, и доля «бедных», имеющих годовой доход ниже 2300 юаней на человека в год, сократилась с 10,2 % до 4 % населения.

Вместе с тем, в Отчетном докладе отмечались и многочисленные проблемы, имеющиеся на пути построения общества «малого благоденствия». В частности, как и на XVIII съезде КПК, отмечалась проблема неравномерности развития страны, отсутствие сбалансированности, нестабильность. Также обращалось внимание на недоста-

точный научно-технический потенциал, нерациональную структуру производства, недостаток природных ресурсов для быстрого развития экономики, наличие большого количества институциональных преград, ограничивающих развитие науки.

Много внимания на Съезде было уделено и обостряющимся социальным проблемам в ходе реформы. Хотя в Отчетном докладе было отмечено, что в последние пять лет в среднем создавалось 13 млн новых рабочих мест в год, произошел заметный рост охваченного пенсионным и медицинским страхованием населения, в стране по-прежнему растет разрыв в доходах между различными слоями и группами, городом и деревней. По-прежнему существует неравный доступ разных слоев населения к различным общественным услугам — образованию, здравоохранению, дешевому жилью «экономического класса» и другим услугам.

Ряд экспертов предполагал, что на съезде будут внесены существенные корректировки в проведение политического и экономического курса китайского руководства, направленные на большую либерализацию экономической и политической жизни для более тесной интеграции с мировой экономикой. Однако КПК в очередной раз подтвердила приверженность «социализму с китайской спецификой».

В докладе Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина, состоящим из 14 разделов, была выделена и подтверждена ближайшая основная задача КПК — построение к 2020 г. общества «малого благоденствия» (сяокан шэхуэй), которая может быть реализована только на путях социализма с китайской спецификой. Были намечены основные задачи развития страны до середины XXI в. Как было заявлено в Отчетном докладе ЦК КПК XIX съезду партии, «с 2020 г. до середины нынешнего века Китай должен пройти два этапа развития. На первом этапе — в 2020—2035 гг. — полностью завершить социалистическую модернизацию на основе построения общества «малого благоденствия», на втором этапе — с 2035 г. до середины века построить богатую и могучую демократическую цивилизацию и гармоничную прекрасную социалистическую модернизированную державу».

XIX съезд КПК наметил основные направления работы в области социально-экономического развития страны. Как отметил в сво-

ем докладе Си Цзиньпин, в Китае отказываются от планирования социально-экономического развития по основным цифровым показателям и будут обращать внимание не на количественные, а на качественные показатели экономики, в основу которых заложено повышение качества жизни народа. Как отметил в Отчетном докладе Си Цзиньпин, «принципиальные противоречия заложены в разрыве между растущими материальными и культурными потребностями народа и отсталым общественным производством, то есть между несбалансированным и неравномерным развитием и все растущими потребностями населения».

В разделе 5 Отчетного доклада были выделены основные направления социально-экономического развития страны, на которые будет обращать внимание КПК. Главным направлением определено углубление структурной реформы соотношения спроса и предложения и развитие «реальной экономики» (шити цзинцзи), реального натурального производства продукции в противовес так называемой «фиктивной экономике» (сюйни цзинцзи), то есть производству различных финансовых инструментов, таких как векселя, чеки, акции, облигации, деривативы, криптовалюта и др.

Как и на предыдущем, XVIII съезде, было уделено большое внимание развитию инноваций, так как Китай вступил в период сокращения численности экономически активного населения, и экономический рост не может быть достигнут, как ранее, за счет привлечения на производство большого количества рабочей силы. В этом случае предусматривается опора на выдвинутую еще на XVII съезде КПК «концепцию научного развития» (кэсюе фачжань гуань). В «концепции научного развития» была обоснована необходимость перехода от экстенсивных методов развития экономики к интенсивным методам, что предполагает повышение роли науки и техники в развитии экономики и создания инновационной экономики. Данная концепция предусматривает отказ от стимулирования экономического роста любой ценой, снижение затрат на производство единицы ВВП при сохранении устойчивых темпов экономического роста и более справедливом распределении его результатов между различными группами населения и регионами страны.

Для реализации амбициозных планов в Отчетном докладе Си Цзиньпина для ускорения совершенствования социалистической

рыночной экономики и экономических перемен был намечен комплекс мер. В основу этих мер была положена новая концепция регионального экономического развития, направленная на развитие координации между четырьмя основными регионами Китая — приморские районы, Северо-Восток, центральные районы и западные районы. В отчетном докладе отмечалось, что необходимо укреплять западные районы, «старую промышленную базу» на Северо-Востоке, проявлять роль центральных районов, сделать восточные приморские районы ведущими в инновационной экономике, наладить механизм регулирования и координирования между регионами.

Было объявлено о продолжении ранее намеченной стратегии развития китайской деревни, которая направлена на решение «трех сельских вопросов» (сань нун вэньти) (то есть проблем крестьянства (нунминь), села (нунцунь) и сельского хозяйства в целом (нунье)). Основным для решения этого вопроса КПК является вопрос о системе землепользования как главным в обеспечении населения продуктами питания в целом и зерном в частности. Было предложено перейти на второй этап развития системы земельного подряда (туди чэнбао) и продлить сроки аренды земли до 30 лет при стимулировании крестьян вступать в различного рода кооперации на селе.

Большое внимание в Отчетном докладе было уделено вопросу о совершенствовании рыночной экономики, при этом во главу угла было поставлено два вопроса — совершенствование системы имущественных прав (ваньшань чаньцюань чжиду) и использование рыночных механизмов для развития экономики, таких как управление финансами и ресурсами. Еще одним важным моментом, на который следует обратить внимание, стал пункт о дальнейшем продвижении «открытости» (кайфан) в экономике, в центре которой должна стать реализация выдвинутой Си Цзиньпином осенью 2013 г. инициативы «Один пояс, один путь».

Отдельный пункт в Отчетном докладе был посвящен проблемам повышения жизненного уровня населения страны. Было выделено семь основных направлений для решения этих проблем: 1) развитие образования как основного фактора социальной мобильности населения; 2) повышение качества занятости и роста доходов; 3) расширение системы социального страхования для населения; 4) усиление борьбы с бедностью; 5) развитие системы общественного здраво-

охранения; 6) обеспечение равного доступа населению к получению социальных услуг; 7) гарантии общественной безопасности населения.

Пункт 9 в отчетном докладе был посвящен проблемам охраны окружающей среды. В нем был сделан упор на «цивилизованное построение» окружающей среды (шэнтай вэньмин цзяньшэ), так как уже много лет в Китае имеет место растущее загрязнение окружающей среды в результате быстрого роста промышленного производства и повышенных затрат материальных ресурсов на единицу произведенной продукции. Было выделено четыре направления работы по охране окружающей среды: 1) развивать «зеленую экономику», то есть улучшать состояние почвы, воздуха и воды; 2) экономить природные ресурсы; 3) защищать природные экологические системы и окружающую среду; 4) укреплять институциональную систему, направленную на охрану окружающей среды.

В целом, как показал XIX съезд КПК, Китай достиг больших успехов в социально-экономическом развитии на основе модели социалистического развития социализма, а именно — марксизма-ленинизма, обогащенного идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, концепциями «трех представительств» Цзян Цзэмина и «научного развития» Ху Цзиньтао и «идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новый век».

Раздел II

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР

В РЕШЕНИЯХ XIX СЪЕЗДА КПК

2.1. Проблемы внешней политики на XIX съезде КПК

Особенностью XIX съезда КПК стало включение в доклад большого количества формулировок, которые были предложены Си Цзиньпином за пять лет пребывания у власти. Внешнеполитическая тематика не стала исключением. Ко времени проведения съезда сложился устойчивый набор концепций, отражающих взгляды нынешнего китайского руководства на отношения с внешним миром («новый тип международных отношений», «новый тип отношений между большими государствами», «сообщество судьбы человечества», «правильный взгляд на долг и выгоду» и т. д.). В докладе на съезде они были соединены воедино, им придали систематизированный облик.

Типовая структура доклада на съезде КПК ставит на первое место отчет о работе за предшествующие пять лет. Внутри отчетного раздела перечисление достижений проводится в соответствии с достаточно устойчивой иерархией проблем: от общеполитических установок к вопросам экономики, реформ, правовой системы, идеологии и культуры, благосостояния, защиты окружающей среды, военного строительства, отношений с Сянганом, Аомэнем и Тайванем, внешней политики. На последнем месте находятся внутрипартийные дела. Аналогичная структура воспроизводится в расположении разделов основной части доклада.

В отчетном разделе доклада в экономическом подразделе было упомянуто строительство «одного пояса, одного пути», ставшего ключевой внешнеэкономической и внешнеполитической инициативой Си Цзиньпина. Хотя со времени провозглашения в 2013 г. эта инициатива обрела многоплановый и комплексный характер, ее включение в данный подраздел указывает на важность экономических аспектов «пояса и пути».

Наиболее примечательным является присутствие в экономическом подразделе фразы об «активном продвижении строительства островных рифов в Южно-Китайском море». Эта деятельность китайской стороны не раз вызывала критику со стороны других государств и становилась причиной обострения отношений с соседями. США использовали ее для усиления собственного военного присутствия в регионе под предлогом «защиты свободы судоходства». Включение этой темы в экономический подраздел отражает стремление китайского руководства заявить о невоенном характере проводившихся работ.

В дипломатическом подразделе отчетного раздела доклада было заявлено, что в минувшие пять лет осуществлялось «всестороннее продвижение дипломатии большого государства с китайской спецификой (中国特色大国外交 — чжунго тэсэ даго вайцзяо)». Эта формулировка также принадлежит Си Цзиньпину. В ноябре 2014 г. он заявил о том, что Китаю «нужна дипломатия большого государства с собственной спецификой».

Далее следует утверждение, что за прошедшие годы Китаю удалось сформировать «всенаправленную» (全方位 цюаньфанвэй), «многослойную» (多层次 дуоцэнцзы) и «объемную» (立体化 литихуа) дипломатию. Этот набор характеристик является новым. Можно предположить, что после съезда он обретет нормативный характер при описании китайской внешней политики.

В дипломатическом подразделе также содержатся упоминания о конкретных инициативах, о созданных при участии китайской стороны международных структурах и о проведенных в Китае международных мероприятиях высокого уровня.

На первом месте находится заявление о том, что Китай осуществлял «совместное строительство “одного пояса, одного пути”». Понятие «совместное строительство» (共建 гунцзянь) является отсыл-

кой к нормативной формулировке китайского подхода к глобальному управлению, указывающей на необходимость «совместного обсуждения» правил всеми участниками проекта, «совместного строительства» в соответствии с согласованными правилами и «совместного использования» достигнутых общими усилиями результатов. В контексте современной международной политики Китай противопоставляет этот подход позиции Запада, который, по мнению китайской стороны, разработал в прошлом правила глобального управления в собственных интересах и теперь не желает считаться с мнением развивающихся и новых индустриальных стран, заинтересованных в модификации существующих правил. Китай относится к «полюсу и пути» как к проекту совместного сотрудничества по новым правилам.

В докладе говорится, что за минувшие пять лет по китайской инициативе были созданы Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонд Шелкового пути. С предложением о создании АБИИ Си Цзиньпин выступил в октябре 2013 г. Фонд был учрежден в конце 2014 г. для поддержки проектов в рамках инициативы «полюса и пути». Среди международных мероприятий названы первый Форум высокого уровня «полюса и пути» (Пекин, май 2017 г.), встреча лидеров АТЭС (Пекин, ноябрь 2014 г.), саммит «Большой двадцатки» (Ханчжоу, сентябрь 2016 г.), встреча лидеров БРИКС (Сямэнь, сентябрь 2017 г.), саммит Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (Шанхай, май 2014 г.).

Помимо конкретных событий, в данном подразделе упомянуты две важные программные инициативы, характеризующие период правления Си Цзиньпина. Это «строительство сообщества судьбы человечества» (人类命运共同体 жэньлэй миньюнь гунгунти) и продвижение реформы системы глобального управления.

Си Цзиньпин неоднократно выступал с идеей создания «сообществ судьбы» различного уровня. В китайской трактовке эти «сообщества» могут носить также региональный и трансрегиональный характер, однако высшей главной целью выступает создание «сообщества судьбы человечества». В основе этих концепций лежит акцент на равноправии и проведении совместных консультаций для выработки правил взаимодействия. Стремление к инклюзивным и открытым партнерским отношениям опирается на признание много-

образия культур и путей развития. Китайская трактовка «сообщества судьбы» нацелена на создание механизмов сотрудничества, предполагающих общую ответственность. Создание «сообщества судьбы человечества» связано с двумя другими новыми китайскими концепциями — построением «международных отношений нового типа» и «правильным взглядом на долг и выгоду».

За годы правления Си Цзиньпина Китай окончательно преодолел прежнюю настороженность по отношению к заимствованной из западной политологии концепции «глобального управления». В прошлом китайские эксперты относились к ней с опаской, воспринимая глобальное управление как требование делегировать полномочия суверенных государств наднациональным органам, которые могли бы осуществлять в интересах Запада вмешательство во внутренние дела развивающихся стран, включая Китай. Однако по мере роста экономики заметно выросла заинтересованность Китая в обретении рычагов воздействия на разработку правил глобального экономического управления, прежде всего ради устранения препятствий в области международной торговли и инвестиций.

Идейно-теоретическая часть доклада (раздел 3) излагает основное содержание «идей новой эпохи социализма с китайской спецификой». В итоговой резолюции XIX съезда КПК и новой версии устава КПК эти идеи обрели персонифицированный характер. «Идеи Си Цзиньпина новой эпохи социализма с китайской спецификой» вошли в теоретический арсенал КПК наряду с марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, «важными идеями тройного представительства» и «научным взглядом на развитие».

Среди перечисленных в докладе восьми характеристик «идей новой эпохи социализма с китайской спецификой» содержится требование, согласно которому «дипломатия большого государства с китайской спецификой призвана продвигать строительство международных отношений нового типа, продвигать строительство сообщества судьбы человечества».

Идею «создания международных отношений нового типа, сердцевиной которых являются сотрудничество и взаимный выигрыш», Си Цзиньпин сформулировал в марте 2013 г. в ходе визита в Москву во время выступления в МГИМО. Он подчеркнул, что мир, развитие, сотрудничество и общий выигрыш стали основным течением

нашего времени. Старая колониальная система распалась, противостоящих группировок времен «холодной войны» больше нет, ни одна страна или группа стран не может в одиночку вершить мировыми делами. «Нельзя находиться телом в XXI веке, а мозгами оставаться в прошлом, в старой эпохе колониальной экспансии, оставаться с менталитетом “холодной войны”, со старой схемой игры с нулевой суммой», — заявил Си Цзиньпин. Он отверг стремление Запада вершить судьбами всего человечества, подчеркнув равенство больших и малых, сильных и слабых, богатых и бедных стран.

Ключевой характеристикой внешнеполитического аспекта «идей новой эпохи социализма с китайской спецификой» в докладе на XIX съезде КПК стало «строительство сообщества судьбы». В этом контексте было заявлено, что «мечта китайского народа взаимосвязана с мечтами народов всех стран, осуществление китайской мечты неотрывно от мирной международной обстановки и стабильного международного порядка».

«Китайская мечта» стала новым лозунгом, который Си Цзиньпин сформулировал в 2012 г. вскоре после прихода к власти. В первые годы его правления «китайская мечта» занимала доминирующее место в системе пропаганды официальной идеологии. Хотя призыв к осуществлению мечты о «великом возрождении китайской нации» адресован внутренней аудитории, с самого начала он обладал внешнеполитическим измерением. Китайская сторона неустанно подчеркивала, что осуществление «мечты о возрождении» не угрожает внешнему миру. Напротив, превращение Китая в сильное и богатое государство принесет существенные выгоды всему человечеству, поскольку Китай сможет брать на себя больше ответственности перед мировым сообществом и вносить более заметный вклад в глобальное развитие.

Описание характеристик движения к созданию «сообщества судьбы человечества» в контексте изложения «идей новой эпохи социализма с китайской спецификой» состоит из старых и новых концепций, что указывает на сочетание во внешнеполитических взглядах китайского руководства инновации и преемственности. В частности, речь идет о следовании по пути мира и развития, о нацеленной на взаимную выгоду и общий выигрыш стратегии открытости, о правильном взгляде на долг и выгоду, о новом взгляде на безопасность,

об инновационности и инклюзивности, о продвижении обменов между цивилизациями и внимании к охране окружающей среды.

Было подчеркнуто, что Китай от начала и до конца будет выступать как строитель мира во всем мире, будет вносить вклад в глобальное развитие и действовать как «защитник международного порядка». Последнее направлено против распространенных в зарубежном экспертном сообществе рассуждений о стремлении Китая расшатать или вовсе ликвидировать современный мировой порядок. Вместе с тем, это не означает согласия Китая со всеми аспектами нынешнего миропорядка. Китайский тезис о необходимости реформирования глобальных правил с учетом интересов развивающихся стран остается в силе.

Развернутое изложение китайских подходов к международной политике содержится в докладе в разделе 12 «Придерживаться пути мира и развития, продвигать создание сообщества судьбы человечества».

Данный раздел начинается с заявления о том, что КПК думает не только о счастье китайского народа. Партия также борется за дело прогресса человечества и считает своей исторической миссией более значительный вклад в дела человечества. Подобная постановка вопроса является новой, поскольку в докладах на предыдущих съездах, прошедших с начала XXI века, роль партии в международной политике столь явным образом не подчеркивали — старые формулировки излагали внешнюю политику таким образом, что они могли быть отнесены к деятельности государственного аппарата. В период правления Си Цзиньпина курс на повсеместное утверждение руководящей роли КПК затронул и сферу международных отношений.

В разделе появилась расширенная характеристика содержания «международных отношений нового типа». Изначальная формулировка, которую Си Цзиньпин предложил в 2013 г., подчеркивала, что это отношения «сотрудничества и взаимного выигрыша». В докладе на съезде это определение было сохранено, но к нему добавили «взаимное уважение, равенство и справедливость».

Характеристика современной эпохи в основном наследует описания, представленные на партийных съездах в 2007 и 2012 гг.: человечество находится в процессе больших перемен и адаптации к ним, мир и развитие остаются главными темами, растет многообразие со-

временного мира. Новым стало упоминание о том, что «ускоряется изменение глобального управления и мирового порядка».

Среди современных элементов нестабильности и неопределенности были перечислены недостаточность движущих сил роста мировой экономики, увеличение разрыва бедности и богатства, появление региональных «горячих точек», терроризм, киберопасности, опасные инфекционные заболевания, климатические изменения. Важно отметить, что здесь не повторялись упоминания о «гегемонизме» и «неоинтервенционизме», присутствовавших в докладе на предыдущем съезде. Их исчезновение из документа можно интерпретировать как увеличение роста уверенности Китая в своих силах и стремление выстроить равноправные отношения с Западом — прежде всего с США. Особенно заметно отсутствие неизменного в прежние годы осуждения «гегемонизма». Вместе с тем, в докладе был унаследован акцент на осуждении силовой политики.

В контексте поворота ведущих западных стран к политике изоляционизма следует обратить внимание на фразу: «Ни одна страна не может в одиночку справиться со стоящими перед человечеством вызовами, также ни одна страна не может отступить обратно на остров самоизоляции». Здесь можно увидеть не только очередное напоминание о китайской приверженности стратегии коллективных действий, но также завуалированную критическую оценку западной политики, в том числе политики американского президента Д. Трампа.

В докладе был представлен набор атрибутов «сообщества судьбы человечества» как «длительного мира» (持久和平 чичзю хэпин), «всеобщей безопасности» (普遍安全 пубянь аньцюань), «совместного процветания» (共同繁荣 гунтун фаньжун), «открытости и инклюзивности» (开放包容 кайфан баожун), «чистого и прекрасного мира» (清洁美丽的世界 цинцзе мэйлидэ шицзе). Пять лет назад на съезде шла речь лишь об «общих выгодах человечества». Теперь «сообщество судьбы» включает решение проблем не только экономического развития, но также безопасности и защиты окружающей среды.

Китайская интерпретация «нового пути» в отношениях между государствами предполагает отказ от «менталитета холодной войны» и «силовой политики», проведение диалога без конфронтации (对话而不对抗 дуйхуа эр бу дуйкан) и формирование партнерств без заключения союзов (结伴而不结盟 цзепань эр бу цземэн). В доку-

менте подтверждены приверженность Китая решению проблем путем диалога и осуждение терроризма во всех проявлениях. Выражено стремление направить экономическую глобализацию в направлении увеличения открытости, инклюзивности, сбалансированности и способности приносить выгоды всем участникам. Присутствуют тезисы о важности многообразия человеческих цивилизаций и необходимости проведения диалога между цивилизациями, а также о совместных усилиях по защите окружающей среды и борьбе с климатическими изменениями.

В докладе сформулированы программные лозунги, которые получили в китайской комментаторской литературе обобщенные наименования «три против», «два решительно нет» и «два никогда». Они описывают подходы Китая к международной политике. «Три против» означают, что Китай выступает против навязывания другим собственной воли, против вмешательства во внутренние дела других стран и против притеснения слабых сильными. «Два решительно нет» подчеркивают, что Китай решительно не будет добиваться собственного развития ценой принесения в жертву интересов других стран, но также решительно не станет отказываться от своих законных прав и интересов. «Два никогда» провозглашают, что вне зависимости от достигнутого уровня развития Китай никогда не провозгласит себя гегемоном и никогда не прибегнет к экспансии.

Традиционная для прежних съездов схема, в которой выделяли отношения Китая с развитыми странами, с соседями и с развивающимися странами, была модифицирована и конкретизирована. На первое место была вынесена тема отношений с «большими государствами» (大国 даго), указывающая на проблематику китайско-американских отношений. В этой сфере предполагается развивать скоординированные отношения сотрудничества, которые должны быть устойчивыми и сбалансированными. Исчезновение темы отношений с развитыми странами может выступать как косвенное указание на то, что по ряду направлений Китай уже не считает себя отсталой страной.

Следующие два компонента остались неизменными, но получили новые характеристики, которые были позаимствованы из внешнеполитических выступлений Си Цзиньпина. В отношении сопредельных государств была заявлена политика, основанная на идеях «бли-

зости, искренности, взаимной выгоды, инклюзивности» (亲诚惠容 亲诚惠容 циньчэнхуэйжун), провозглашенных китайским лидером в 2013 году. Применительно к развивающимся странам была подтверждена формула Си Цзиньпина «правдивость, реалистичность, близость, искренность» (真实亲诚 真实亲诚 чжэньшициньчэн) в сочетании с приверженностью «правильному взгляду на долг и выгоду».

Заявление о приверженности Китая политике открытости внешнему миру сочеталось с упоминанием необходимости продвижения международного сотрудничества по строительству «пояса и пути». В докладе были воспроизведены относящиеся к этому проекту «пять соединений» (координация политики, взаимосвязь инфраструктуры, торговое взаимодействие, движение капитала, «соединение людских сердец») как путь к созданию новых площадок международного сотрудничества и новых импульсов совместного развития. Также было сказано о намерении Китая расширить оказание помощи неразвитым странам и добиваться сокращения разрыва в уровнях развития Юга и Севера.

В докладе заявлено о приверженности Китая демократизации международных отношений, о равенстве всех стран, о стремлении развивать роль ООН, о желании расширять представительство и «право слова» развивающихся стран в международных делах. Новыми стали формулировки, относящиеся к глобальному управлению. Было подчеркнуто, что китайский подход к глобальному управлению основан на «совместном обсуждении, совместном созидании и совместном использовании». В качестве большого ответственного государства Китай намерен активно участвовать в «реформировании и строительстве» системы глобального управления. Эти высказывания указывают на изменение оценки Китаем собственной роли в мировом сообществе и на стремление стать равноправным участником процесса разработки новых правил.

В 2012 г. в докладе на XVIII съезде КПК было указано на желание Китая способствовать повышению роли в международных делах ООН, «Большой двадцатки», ШОС и стран БРИКС. В 2017 г. в аналогичном разделе текста осталась лишь ООН. Упоминания о «Большой двадцатке» и БРИКС на этот раз присутствуют в отчетном разделе доклада в связи с проводившимися в Китае международными мероприятиями. ШОС в докладе на XIX съезде вообще не упоминается.

Доклад ЦК на XIX съезде КПК отразил большие перемены в развитии Китая и окружающего мира. Китай становится глобальной державой, которая формулирует свою политику исходя из того, что ее влияние на мировое развитие будет становиться все более значительным. Для внешнего мира наибольший интерес представляет изложение в докладе Си Цзиньпина «сообщества судьбы человечества» как стрелковой концепции новой китайской внешней политики. Помимо этого, в докладе была подтверждена приверженность Китая реализации инициативы строительства «одного пояса, одного пути». В перспективе эта инициатива способна оживить экономическое развитие большого количества стран, активизировать их взаимодействие в политике и культуре.

В октябре 2017 г. в дни работы съезда КПК президент России Владимир Путин выступил на итоговой пленарной сессии XIV ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» с развернутой оценкой китайского партийного форума в контексте развития двусторонних отношений: «Что касается съезда партии, который сейчас идёт в Китае. Мы за ним тоже внимательно следим, я отмечаю необычную открытость этого съезда партии. Такого количества журналистов, представителей международной общественности, по-моему, никогда раньше не было. Без всяких сомнений, всё, что было сказано Председателем КНР, его речь и обсуждения, которые проходят сейчас, говорят о том, что Китай устремлён в будущее. ... У нас самый большой в страновом измерении товарооборот с Китаем, огромные планы совместные, в том числе по очень существенным, серьёзным направлениям: и в космосе, и в высоких технологиях, и в энергетике. Всё это создаёт базу для развития будущих межгосударственных отношений»¹.

Российский лидер указал, что Китай является важным двигателем мировой экономики и подчеркнул значение двустороннего сотрудничества для определения перспектив отношений Москвы и Пекина. На съезде КПК была подтверждена приверженность Китая расширению политики открытости внешнему миру и дальнейшему расширению сотрудничества с соседями. Продолжение политики реформ и открытости создает благоприятные условия для углубления российско-китайского взаимодействия.

2.2. XIX съезд КПК: преемственность во внешней политике КНР и перспективы российско-китайских отношений

Значение каждого из съездов КПК в качестве главного не только партийного, но и общегосударственного форума, определяющего узловые направления, саму модель и ценностные приоритеты развития и будущего страны, специалистам хорошо известно. И если с этой точки зрения попытаться дать некую общую смысловую характеристику итогов работы XIX съезда, то она может выглядеть как фиксация предыдущих достижений и определение очередных задач в накоплении комплексной мощи Китая. Страны, которая последовательно идет по пути обретения полновесного статуса крупной мировой державы, с современной развитой экономикой, социальной сферой и ролью одного из главных участников формирования мировой и региональной повестки дня.

В упомянутом спектре достижений и новых задач свое важное место на съезде традиционно занимали вопросы внешней политики. Сравнительная лаконичность и привычно далеко не первый порядковый номер соответствующего раздела в Отчетном докладе Генерального секретаря никак не отражают большой реальный удельный вес тематики международного курса КНР. И в самом Китае, и наблюдателям за его пределами хорошо понятно, что внешнеполитический инструментарий — это важнейший механизм в решении системных задач подъема страны, включая создание благоприятной внешней обстановки и обеспечение необходимыми для роста ресурсами.

Может показаться, что в сравнении с XVIII съездом нынешний форум оказался менее «щедр» на громкие внешнеполитические новации. Действительно, в 2012 г. на партийном съезде впервые прозвучали такие важные положения как намерение решительно «охранять безопасность государства, никогда не подчиняться какому бы то ни было давлению извне»; готовность «принимать более активное участие в международных делах, играть роль большой и ответственной страны»². Выдвижение данных положений вызвало тогда немалый резонанс.

Принципиально новых тезисов на XIX съезде на этот счет не прозвучало, однако не менее важным и показательным является тот факт, что прежние положения подтверждены, развиты и дополнены новыми акцентами. Обратимся лишь к некоторым из них.

Новые акценты

«Китай будет продолжать играть роль ответственной державы, активно участвовать в преобразовании и формировании системы глобального управления, постоянно привносить в эту работу китайскую мудрость и китайскую силу», — говорилось в документах съезда³.

В уже знакомом по предыдущему съезду тезисе четко видны отсутствовавшие ранее нюансы. Во-первых, речь идет о произошедшем за пять лет переходе от «намерений и готовности» к «продолжению» действий в уже состоявшейся «глобальной роли» КНР. Во-вторых, подчеркнуто конкретное направление реализации этой роли — «участие в формировании системы глобального управления», да еще и с осознанием особой на то правомочности в лице «китайской мудрости и силы».

Далее. Как говорилось на съезде, «Китай... ни при каких обстоятельствах не будет отказываться от своих законных прав и интересов», не потерпит ни от кого «горьких плодов ущемления»⁴. По сути, достаточно жестко подтвержден тезис предыдущего съезда, не оставляющий сомнений в том, что усиливающийся Китай намерен непреклонно и всемерно отстаивать свое видение положения мировых и региональных дел. В том числе это может касаться, надо полагать, территориальных споров в ЮКМ, ВКМ и Южной Азии (особенно попыток внерегионального вмешательства), вопросов, связанных с внешними препятствиями «возвращению Тайваня в лоно Родины» и т. п.

Говоря о новых акцентах в подтвержденных прежних тезисах, можно остановиться и на положениях доклада Си Цзиньпина о том, что КНР, чья «национальная оборона носит оборонительный характер», «не представляет угрозы ни для какого бы то ни было государства».⁵ Отсутствовавшее ранее упоминание «оборонительного характера» доктрины и все более активных действий Китая в военной области, включая поставленную на съезде задачу выведения НОАК на передовой мировой уровень, вряд ли случайно. Речь, по-видимому,

идет о стремлении рассеять опасения международного сообщества, прежде всего соседних стран, относительно целей военного усиления Китая, убедить их в отсутствии неких вызовов и угроз.

Определенные акценты можно проследить и в традиционных положениях о развитии двусторонних отношений. Сохранив выделение трех основных групп стран-партнеров и очередность их упоминания (крупные, сопредельные, развивающиеся страны), китайское руководство в каждом случае сделало небольшие, но знаковые корректировки.

В случае с «крупными странами» опущены прежние слова о «разногласиях» и подчеркнут де-факто достигнутый уровень «в целом стабильных и равномерно развивающихся отношений». Поскольку под диалогом с крупными странами в Китае чаще всего имеют в виду отношения с США, в такой формулировке может отражаться и общая направленность американской политики КНР, ориентированная на минимизацию разногласий и достижение экономических выгод при сохранении собственной независимости и равноправия, и пекинское видение сегодняшнего состояния отношений с Вашингтоном. Исходя из факта состоявшегося в 2017 г. обмена визитами между Д. Трампом и Си Цзиньпином и общего тона их переговоров, в первый год нынешней администрации США сложный китайско-американский симбиоз отношений сотрудничества и порой жесткого соперничества действительно находился на «в целом равномерном» и устраивающем стороны уровне. Хотя до реальной «стабильности» (прежде всего по причине системных противоречий, включающих в себя глобальное соперничество, несовместимые модели развития, глубинный тайваньский вопрос) в данном диалоге, похоже, по-прежнему далеко.

Тезис об отношениях с «сопредельными странами», ранее включавший положения «доброжелательности, партнерства и взаимовыгодности», дополнен понятием о «стремлении к искренности»⁶. Повышение «градуса» здесь не случайно. Можно, в частности, вспомнить, что 24—25 октября 2013 г. нынешнее китайское руководство провело первое в истории КНР Специальное совещание в ЦК КПК по дипломатической работе с сопредельными государствами, и это стало наглядным отражением повысившегося внимания к странам-соседам.

В свою очередь, определение отношений с «развивающимися странами», которым Китай издавна выражает симпатии и намерение «навечно оставаться их надежным другом и искренним партнером», теперь расширено за счет концепции «правдивости, деловитости, душевной близости, правильного понимания справедливости и выгоды»⁷. В обоих случаях присутствует очевидное желание Пекина и дальше уделять повышенное внимание этим группам стран, создавая, с одной стороны, «пояс ближней безопасности», с другой — рационально привлекая экономические и политические ресурсы «развивающегося мира» к решению своих национальных задач.

К слову, к числу прежних тезисов с новыми акцентами (часто акцентами усиления) можно отнести общую тональность внешнеполитического раздела Отчетного доклада, позиционирующую Китай на международной арене как стойкого защитника принципов «равноправия, коллективизма, демократизма». Особый акцент сделан на принцип совместных действий.

Закрепление предсъездовских новаций. Однако, и это уже отмечалось многими экспертами, съезд закрепил и ряд новых положений — те новации, которые появились уже после XVIII съезда и прямо связаны с деятельностью нынешнего Председателя КНР. Напомним, что уже вскоре после вступления на высшие государственные посты (конец 2012 — начало 2013 г.) Си Цзиньпин выдвинул лозунг о «китайской мечте», увязав его реализацию с ранее озвученной задачей «великого национального возрождения». Было подчеркнуто, что «великое возрождение китайской нации — это и есть величайшая китайская мечта», причем ныне у Китая «больше, чем когда-либо в истории, веры и возможностей достичь эту цель»⁸. Что же касается китайской внешней политики, то в данном контексте сама ее системная цель была подана как «создание условий для реализации мечты о великом возрождении». Характерно, что во внешнеполитическом разделе доклада тезис о «мечте — возрождении» присутствует лишь косвенно, возможно, по причине нежелания нарушать «коллективистский» (а не «национально ориентированный»), подчеркнуто комплиментарный в отношении международного сообщества как единого целого тон. Зато борьба «за реализацию китайской мечты о великом возрождении китайской нации» уже в самом начале доклада Си Цзиньпина была названа «основной темой съезда»⁹, ко-

торая пронизывала все направления работы партии и государства, далеко не в последнюю очередь включая сферу внешней политики.

Характер аналогичной новации имеет и тезис об «общности исторических судеб» между Китаем и народами других стран. Призванный обеспечить имиджевое сопровождение китайской внешней политики, декларирующей, повторим, идеи демократизации международных отношений и максимально тесных совместных действий, этот лозунг также был выдвинут вскоре после прихода к власти пятого поколения китайских руководителей. В документах съезда в рамках этой новации Китай призывает «народы всех стран общими усилиями строить сообщество единой судьбы человечества».

Наконец, в документах съезда нашла неоднократное подтверждение инициатива «Один пояс, один путь», которая за годы после ее оглашения Си Цзиньпином (осень 2013 г.) стала истинным лейтмотивом китайской внешней и внутренней политики, присутствует практически во всех внутригосударственных планах и программах, широко и активно реализуется на внешней арене.

Эволюция и преемственность. В целом создается впечатление, что внешнеполитический раздел Отчетного доклада, другие его сюжеты, связанные с внешнеполитической тематикой, содержат некую системную основу, «скелет» устойчивых положений. Это базовые определения характера нынешней эпохи (мир и развитие), констатация продвижения к мультиполярности, подчеркивание отсутствия у Китая стремлений к экспансии и гегемонизму и многие аналогичные тезисы. Этот взгляд укрепляют и приведенные выше положения, которые, во-первых, отражают постепенное наполнение уже известных установок модернизированными оценками, а во-вторых, свидетельствуют о закреплении на высшем партийном форуме тех новаций, которые появились в период между предыдущим и нынешним съездами. В целом это позволяет говорить о преемственности, об эволюционном характере, а потому и определенной предсказуемости китайской внешней политики.

Если рассматривать это положение применительно к российско-китайским отношениям, то с высокой долей вероятности можно говорить, что курс на развитие с РФ отношений всеобъемлющего стратегического партнерства Китай планирует сохранить в числе своих основных международных приоритетов.

Отношения с РФ: достижения и вызовы. Собственно говоря, этот вывод был официально озвучен уже спустя две недели после съезда, когда Си Цзиньпин, встречаясь в В.Путиным во Вьетнаме, заявил: «В последующие годы вместе с российскими партнёрами мы плечом к плечу неуклонно будем развивать отношения на высоком уровне, эффективнее способствовать безопасности и развитию обеих стран»¹⁰. Это, безусловно, важная декларация. Однако ее весомость действительно ощутима, если опирается на объективные реальности и интересы. Таковые у КНР по-прежнему присутствуют. Китай, как и раньше, заинтересован в мирной совместной границе, в роли РФ как надежного тыла в международных делах, источника энергетических ресурсов. Китай и Россия оценивают двусторонние отношения как действенный рычаг повышения совокупной государственной мощи и международной конкурентоспособности обеих стран, как важный фактор международной стабильности, защиты суверенитета и территориальной целостности каждой из наших стран.

На той же встрече во вьетнамском Дананге высшие руководители обеих стран вновь отметили позитивные накопления и «солидные результаты» развития двусторонних отношений. Председатель КНР отметил, в частности, достижения экономического сотрудничества и «успех в международных делах», президент России, вновь подчеркнув приоритетность для РФ отношений всеобъемлющего партнерства с Китаем, выразил уверенность, что будут найдены и реализованы «новые направления сотрудничества»¹¹.

Тем не менее ясно, что очевидные имеющиеся достижения и декларации о будущих аналогичных намерениях (они хорошо известны), как и раньше, не исчерпывают всей повестки российско-китайского взаимодействия. В нем продолжает присутствовать определенная «облачность», которую дипломатично называют также «шероховатостями» и «еще не решенными вопросами». Это совершенно нормально и естественно для двух крупных стран, каждая из которых подчеркивает независимость и самостоятельность своей политики. Но для РФ это не снимает необходимости четко представлять не только возможности, но и вызовы и риски, связанные с российско-китайскими отношениями. Основными из вызовов и рисков могут считаться следующие.

В связи с продвижением Китаем модели «нового типа отношений с крупными странами» (термин, не присутствовавший в документах съезда, но реализуемый КНР де-факто) растет значение внимательного мониторинга ситуации в виртуальном треугольнике КНР—РФ—США. Объяснимый «упор» КНР на позитивную составляющую в сложном комплексе отношений с США, подтвержденный личными встречами Трамп — Си Цзиньпин, в долговременном плане продолжает сочетаться с высоким компонентом двусторонних разногласий, что актуализирует точное определение соотношения этих двух тенденций. Глубокий кризис в отношениях РФ и США объективно расширяет возможности Китая, востребованность которого растет со стороны двух других углов «треугольника». Интересам России отвечает деликатная, но последовательная линия на дальнейшее развитие всесторонних связей с КНР в рамках формулы всеобъемлющего стратегического партнерства и взаимодействия и на «уход» от антикитайских проявлений, однако осуществляемая при параллельных действиях (пусть трудных и не сулящих скорого успеха) в направлении равноправного диалога с США. Такой подход важен не только как фактор позитивного развития связей с обоими партнерами, но и как «страховка» от теоретически возможного для РФ риска оказаться «на обочине» каких-либо китайско-американских проектов вроде потенциально не исключенной реанимации идеи «G-2».

Внимательного изучения продолжают требовать внешнеполитические и внешнеэкономические новации, прежде всего ход реализации идеи «Экономического пояса Шелкового пути». Речь идет о более активном продвижении Китаем своих интересов в бывших среднеазиатских (как, впрочем, и европейских) республиках СССР в экономических и других областях, для чего привлекаются, среди прочего, продуманные средства идеологии (тезис «общности судеб» и т. д.). Это может привести к более осязаемому региональному соперничеству в этих странах между РФ и КНР как в экономике, так и в сферах культуры и идеологии, где пока в целом преобладает влияние России. Очевидны и вызовы, которые в связи с китайским проектом возникают для эффективного становления и развития ЕАЭС: партнеры РФ (особенно из стран ЦАР), зачастую стоят перед соблазном пожертвовать интеграцией в ЕАЭС ради щедрых предложе-

ний в рамках идеи ЭПШП, поступающих им от КНР на двустороннем уровне. Это, к слову, во многом объясняет непростой характер диалога, ведущегося между ЕАЭС и КНР по заключению торгово-экономического соглашения.

Вместе с тем, объявленному обеими странами «сопряжению» ЕАЭС и ЭПШП не просматривается разумная альтернатива. Трезво оценивая и по возможности купируя вызовы, необходимо максимально использовать связанные с ЭПШП шансы. Речь, во-первых, идет о потенциально возможном прорыве в давнем вопросе о привлечении китайских инвестиций на российский Дальний Восток (Пекин официально называет региональное сотрудничество на Дальнем Востоке «частью инициативы ЭПШП») и использовании их в важном для общего подъема региона инфраструктурном строительстве. К сожалению, пока роль КНР как источника прямых инвестиций не до конца осознается и еще менее реализуется. Во-вторых — о продумывании и реализации выгодного для РФ встраивания в транзитные коридоры, которые Китай намерен структурно и технологически развивать для транспортировки железнодорожных и автомобильных грузов в Европу и обратно.

Кроме того, с точки зрения системного ухода от рисков шагом в правильном направлении, безусловно, является выдвигание концепции Большой Евразии (Евразийское экономическое партнерство), что позволяет поднять уровень российских евразийских инициатив, вместе и на одном уровне с китайской идеей ЭПШП продвигать их к интеграции более широкого порядка. Важно, что общее одобрение китайскими партнерами такого подхода зафиксировано в российско-китайских официальных документах¹².

В отношениях двух стран, насчитывающих 400-летнюю историю, присутствуют и другие вызовы и нерешенные вопросы. В добавление к упомянутой выше «взаимной осторожности» по некоторым вопросам международной (темы США, ЦАР) элементы не идеального доверия присутствуют на бытовом уровне (тезис о «желтой опасности» в РФ, реликты исторических обид по поводу захвата китайских территорий Царской Россией — в КНР). Есть экономические шероховатости, к которым относятся не только низкий уровень взаимных инвестиций, но и пробуксовка программ приграничного сотрудничества, не оптимальная для РФ структура торговли.

* * *

Тем не менее, очевидно, что в развитии позитивных связей с по-прежнему самой динамично развивающейся экономикой мира, страной, продолжающей неуклонно набирать политический вес, состоит возможность укрепления международных позиций РФ в не простое для нее «санкционное» время. Здесь же кроются шансы использования потенциала сотрудничества для экономического развития РФ, в том числе для решения стратегически важной задачи подъема сибирских и дальневосточных регионов России.

Итоги XIX съезда КПК, определившие стратегию внутреннего и международного развития страны на ближайшую, среднесрочную и отдаленную перспективу, в части, касающейся внешней политики КНР позволяют в целом говорить, повторим, о ее преимуществах и эволюционном характере, что означает и курс на дальнейшее развитие отношений с РФ. В интересах России — продвигать стратегическое партнерство с КНР, в то же время ведя постоянный мониторинг его состояния и учитывая те вызовы, которые могут проистекать из новых идейно-практических особенностей в китайской внешней политике.

2.3. О некоторых внешнеполитических идеях Китая после XIX съезда КПК

Основными моментами доклада Си Цзиньпина в области внешней политики являются: контуры существующего миропорядка; безопасность в международном контексте; могущественная армия и мирное развитие; единая судьба для всего человечества и международные отношения нового типа; «истории» или «сказки» о Китае и «мягкая сила» китайской культуры.

Контуры миропорядка

В докладе была вновь повторена формула, описывающая современный миропорядок через четыре особенности эпохи или «четыре хуа»: политическую многополюсность, или полицентричность («чжэнчжи доцзихуа»), экономическую глобализацию («цзинци цюаньцюхуа»), общественную информатизацию («шэхуэй синьсихуа») и культурный плюрализм/многообразие («вэньхуа доянхуа»).

Представляется, что, рассматривая современный миропорядок через призму «четырех хуа», Пекин желает лидировать политически, экономически, научно-технологически и культурно. Причем, как полагает известный американский эксперт Г. Киссинджер, Китай уже стал «экономической сверхдержавой и крупнейшим фактором формирования глобального политического порядка»¹³. На очереди научно-технологическое превосходство и культурное влияние. Причем успехи в первой области в докладе отмечаются с большим энтузиазмом, в частности, называются грузовой космический корабль «Тяньгун», глубоководный батискаф «Цзяолун», первый космический рентгеновский телескоп, узкофюзеляжный пассажирский авиалайнер отечественного производства С9ХИХ, квантовый спутник «Мо-цзы» и др. Более полный список успехов можно найти в аналитическом обзоре на сайте «Жэньминьван»¹⁴.

Экологический аспект пока не входит в описанную выше «четверку», тем не менее вероятность экологического лидерства Китая не за горами. Тем более, что в докладе присутствует слово «красивый» («мэйли»). А в разъяснениях после съезда комментаторы обратили внимание на необходимость наряду с созданием «прекрасного Китая» вносить вклад в обеспечение глобальной экологической безопасности¹⁵.

Безопасность в международном контексте

В период правления Си Цзиньпина очень серьезное внимание уделяется безопасности, в докладе эта мысль звучит следующим образом: «государственная безопасность всесторонне укреплялась». В немалой степени КНР заинтересована в обеспечении государственного суверенитета, территориальной целостности и коренных интересов развития. Для реализации данных целей решением 3-го пленума XVIII съезда КПК был учрежден Комитет государственной безопасности (2014 г.), принята концепция государственной безопасности (1 июля 2015 г.)¹⁶. Кроме того, 15 апреля каждого года стал отмечаться новый государственный праздник — Всенародный день образования в области государственной безопасности (цюаньминь гоцзя аньцюань цзяоюйжи)¹⁷. Проводятся рабочие семинары по вопросам государственной безопасности (17 февраля 2017 г. в Пекине)¹⁸. Сформировалась система комплексной государственной безо-

пасности (цзунти гоцзя аньцюань тиси), которая включает в себя 11 видов безопасности¹⁹.

Важно отметить, что в докладе был дважды повторен тезис «цзюй ань сы вэй» — «живя в спокойствии, думай об опасности». Само понимание органической связи безопасности и готовности к проблемам отражено в китайском философском мышлении. В частности, древний китайский трактат «Цзо чжуань», охватывающий события с 722 до 468 г. до н.э., использовал идею о том, что «вода может как нести лодку, так и опрокинуть ее»²⁰. Другими словами, любая вещь может принести вред при недостатке внимания. Древнекитайский мыслитель Хань Фэй был убежден, что необходимо уделять внимание мелочам, потому что «тысячеверстная дамба разрушается из-за муравьиного гнезда». Классический текст «Книга перемен» гласит: благородный муж «успокаиваясь /в безопасности/, не забывает о риске /угрозе/, в существовании не забывает о гибели; упорядочив /управляя/, не забывает о беспорядке /смуте/»²¹.

Вместе с тем, безопасность в докладе увязывается со словом развитие. Формула «безопасность и развитие» воплощается на практике следующим образом: «безопасность — условие для развития», а «развитие — гарантия безопасности». В частности, понятие безопасность «аньцюань» в докладе употребляется 55 раз (в том числе «государственная безопасность» — 18 раз), а развитие — 232 раза. Что касается международного аспекта, формула «безопасность и развитие» предусматривает также единое или комплексное планирование, учет всех мер и возможностей, одновременное лечение и причины, и симптомов заболевания.

Таким образом, государственная безопасность представляется авторам доклада наиважнейшей и фундаментальной предпосылкой существования и развития государства.

Могущественная армия и мирное развитие

После XIX съезда на сайте «Хуанью шибао» появилась статья контр-адмирала КНР Ян И, в которой он тесно увязывает богатое государство («фуго») и могущественную армию («цянцзюнь») с миром («хэпин») и развитием («фачжань») или мирным развитием²². Приведем основные положения статьи.

Китай успешно создал международный имидж «цивилизованного наставника («вэньмин чжи ши»), который проявляется в том, что

НОАК КНР активно участвует в миротворческих операциях ООН по всему миру, а также в конвоировании судов в Аденском заливе.

Автор убежден в том, что чем сильнее китайская армия, тем надежнее защита во всем мире. Строительство могущественной армии вызвано необходимостью развития Китая и растущим требованиям по защите государственной безопасности и интересов развития. И это нормальный процесс.

Автор разделяет государства, которые пропагандируют и распространяют миф о «китайской угрозе», на три типа. Первый — США и их союзники, второй — отдельные традиционно сильные западные державы, третий — сопредельные или пограничные с Китаем государства («чжоубянь гоцзя»), с которыми Китай имеет территориальные или морские споры.

Стратегическая культура китайской нации не содержит понятие экспансии и тем более не обладает «геном» военной экспансии («цзюньши кочжан цзиинь»). Напротив, Китай придерживается пути мирного развития и отстаивает курс «активной обороны» («фаньюйсин гофан чжэнцэ»). В связи с этим ставятся три исторические задачи, которые будут минимизировать распространение «теорий китайской угрозы»: «продвижение строительства модернизации», «завершение единства Родины» и «защита международного мира и содействие соразвитию».

Таким образом, контр-адмирал Ян И связывает мирное развитие страны с созданием могущественной армии и не считает, что в этом есть какое-либо логическое противоречие. В публикации подобных материалов можно отчетливо увидеть, на наш взгляд, реализацию задачи на успокоение международного сообщества, где в качестве главных тезисов присутствуют два положения. Во-первых, сильный или могущественный Китай — это гарантия мира во всем мире. А во-вторых, важно умение побеждать во всех войнах, не сражаясь, т. е. делать так, чтобы любой противник, угрожающий Китаю, пасовал перед его мощью (или видел силу и ушел назад «ван эр цюэбу»).

Кроме того, все чаще упоминается, что никто не любит слабых — «если слаб, будешь битым». Китайские эксперты продолжают говорить о том, что коллективный Запад сдерживает возрождение Китая, и поэтому мирное развитие страны сталкивается с серьезным давлением и вызовами²³.

Сообщество единой судьбы для всего человечества и международные отношения нового типа

В международном разделе доклада отмечаются успехи КНР в формировании «самобытной китайской дипломатии великой державы», которая становится всевекторной (т. е. всеохватывающей — «цюаньфанвэй»), многоуровневой («доцэнци») и многомерной или объемной («литихуа»), и создает благоприятные международные условия для развития государства.

Кроме того, констатируется факт, что Китай значительно повысил свое международное влияние, свою притягательную («ганьчжаоли») и созидательную силу («суцзаоли»). Это произошло, прежде всего, потому, что КНР запустила мегапроект «Один пояс, один путь» (в докладе сочетание «Пояс и путь» повторяется 5 раз), успешно провела на «домашних площадках» саммиты АТЭС, международный форум «Пояса и пути» в Пекине, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии в Шанхае, Ханчжоусский саммит «Группы Двадцати» и Сямэньский саммит БРИКС. Вместе с тем, Китай основал Фонд Шелкового пути, учредил Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, способствовал реформе системы глобального управления.

Примечательно, что в докладе сообщество единой судьбы для всего человечества упоминается вместе с международными отношениями нового типа. Как подчеркивает профессор Института по изучению международной стратегии Партийной школы ЦК КПК Чжао Лэй, в своей внешней политике Китай намерен полагаться на эти две концепции, потому что в основе международных отношений нового типа лежит взаимовыгодное сотрудничество в процессе развития, а в сообществе единой судьбы — сближение и консенсус цивилизаций²⁴.

По мнению Хань Цинсяна, ответственного секретаря Научно-исследовательского центра изучения теории самобытного китайского социализма при Партийной школе ЦК КПК, ключевым моментом формирования сообщества единой судьбы для всего человечества выступают конкретные действия или «китайские проекты»²⁵. Причем эти действия должны идти вместе с обязательствами перед мировым сообществом, в частности, обещанием продвигать экономическую глобализацию в правильном направлении и доби-

ваться обоюдного выигрыша и совместного пользования плодами развития.

Заместитель директора Института международных отношений при Народном университете Китая, профессор Цзинь Цаньжун называет проект сообщества единой судьбы для всего человечества «рецептом» от различных внутренних и внешних расколов в условиях падения авторитета Запада и его расслоения/фрагментации²⁶. Кроме того, эксперт убежден, что если Китай сможет добиться успехов в области модернизации (и особенно в деле народного счастья), то это станет примером/эталонном, будет служить образцом для других государств.

«Сказки» о Китае и «мягкая сила» культуры

На протяжении пяти лет после XVIII съезда китайское руководство активно и на международных форумах, и во время личных встреч с коллегами из других стран рассказывает различные сюжеты из истории Китая, которые можно назвать словом «гуши» — «сказки» или «рассказки».

Наиболее часто повторяющейся «историей» Китая является тезис об «общественных продуктах» («гунгун чанпинь»), или «китайской мудрости» («чжунго чжихуэй») как даре, которые КНР предлагает всему миру. В частности, инициатива «Один пояс, один путь» преподносится как «свежее дыхание теряющему уверенность международному сообществу», которое стимулирует и укрепляет тенденции прогресса²⁷. Примечательно, что эти самые «общественные продукты» или «блага» носят системный характер и становятся «убедительным свидетельством активного участия Китая в глобальном управлении»²⁸.

Второй тезис связан с китайским чудом. Например, генерал-полковник ВВС НОАК КНР Лю Ячжоу отождествляет китайские успехи с мировым чудом. По его словам, мир стал свидетелем «китайского чуда» («чжунго чицзи»), восхищается «китайской силой» («чжунго лилян»), пристально следит за «китайскими проектами» («чжунго тиань»). Сегодня Китай — не только название государства, но и слово, ассоциирующееся с надеждой и жизненной силой²⁹.

Третья «сказка», которая начинает набирать обороты — это «история» о том, что ценности сообщества единой судьбы для всего человечества отражаются в китайской традиционной культуре³⁰ и осо-

бенно в культуре «хэхэ» (симбиоз гармонии и сотрудничества). В России доклад³¹ об этом был недавно представлен профессором Ли Фэнъянь из Северо-Восточного педагогического университета КНР на XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» в ИДВ РАН. Так называемая модель симбиоза гармонии и сотрудничества «хэхэ» представляет собой такое состояние отношений Китая с миром, результатом которого является взаимная адаптация и приспособление. Формирование этой модели взаимодействия оказывает позитивное влияние как на судьбы самого Китая, так и на мир, стабильность и развитие региона и всего мира.

В политике эта модель предусматривает равенство и уважение, в экономике — взаимную выгоду и общий выигрыш, в сфере культуры — взаимное обогащение и взаимную учебу, в сфере безопасности — взаимное доверие и сотрудничество, в глобальных вопросах — общую ответственность. Эта модель базируется на ценностях мира, сотрудничества, совместного развития, исходит из базовых требований долговременной мирной обстановки и общего процветания, рассматривает равноправие, уважение, взаимную выгоду и обоюдный выигрыш как основные нормы поведения, а международное право, международные институты и механизмы — как гарантов.

Таким образом, все более явно происходит привлечение позитивных элементов китайской культуры и использование древности в интересах современности. В то же время предлагается прилагать усилия для укрепления международного сотрудничества и гуманитарных контактов, расширять международный кругозор, должным образом рассказывать о Китае, продвигать выход китайской культуры на международный рынок³².

2.4. К вопросу о трактовке китайской концепции «сообщества единой судьбы»

По итогам XIX съезда КПК рядом российских экспертов высказывается мнение, что китайская концепция «сообщества единой судьбы» так и не получила конкретного описания и остается мало-понятной для большинства представителей мировой политологии³³.

Доклад Си Цзиньпина XIX съезду КПК содержит призыв «продолжать стимулировать создание сообщества единой судьбы человечества (СЕСЧ)», поскольку осуществление китайской мечты невозможно без мирной внешней обстановки и стабильного международного порядка, а КПК видит свою миссию во внесении еще более весомого вклада в развитие человечества³⁴.

В Докладе сообщество единой судьбы человечества (жэньлэй миньюнь гунтунти) описывается как «чистый и прекрасный мир, где царит долгосрочный мир, всеобщая безопасность, совместное процветание, открытость и инклюзивность», а также соблюдаются принципы взаимоуважения, равноправия, диалога, консультативности, отказа от менталитета холодной войны и политики силы, неконфронтационности и неблоковости партнерства, уважения цивилизационного многообразия мира, дружественного отношения к окружающей среде. В мирохозяйственном плане смысл СЕСЧ связывается с либерализацией торговли и инвестиций, развитием экономической глобализации в направлении большей открытости, общедоступности, сбалансированности и всеобщего выигрыша³⁵.

На наш взгляд, концепция СЕС отнюдь не так «сыра», как это может показаться, и к прошедшему в октябре XIX съезду КПК она пришла уже во вполне апробированном виде.

Ее смысловые предвестники прозвучали еще в 2012 г. в Докладе ЦК КПК XVIII съезду китайской компартии: «У человечества только одна планета — Земля, все страны сосуществуют в едином мире... Стимулирование создания гармоничного мира на Земле с прочным миром и общим процветанием — общее чаяние народов всех стран». В документе «сотрудничество и взаимный выигрыш» расценивались как путь «осознания общности судеб человечества». Доклад содержал и призыв к странам мира «помогать друг другу в общем деле, вместе пользоваться правами и нести ответственность, ширить общие интересы человечества»³⁶.

Впервые китайский взгляд на будущее человечества как сообщества единой судьбы был, как известно, озвучен в лекции Си Цзиньпина в МГИМО (март 2013 г.). Китайский лидер подчеркнул, что взаимосвязанность и взаимозависимость всех стран достигла беспрецедентного уровня: «люди живут в одной большой глобальной деревне», в одну эпоху и на одном пространстве, где сливается исто-

рия и реальность, «превращая нас в сообщество единой судьбы», в котором все влияют друг на друга³⁷.

18 мая 2015 г. в газете «Жэньминь жибао» была опубликована статья, подписанная «Го Цзипин», «Обещание лучшего будущего для мира», в которой концепция СЕС была окрашена в политологические тона. В статье указывалось, что генеральный посыл идеи базируется на стремлении Китая к глобальному миру и развитию всего человечества и что, предлагая идею «сообщества единой судьбы» для стран, регионов и всего человечества, КНР выдвигает собственную стратегию сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества, преодолевающую «ограничения национального и идеологического свойства». Статья призывает страны мира вести диалог, а не вступать в конфронтацию, быть партнерами, но не союзниками, добавляя, что прогресс отдельных стран должен дополнять развитие других и таким образом раскрывать большие возможности для противостояния мирохозяйственным вызовам (союзнические отношения в статье не приветствуются по всей видимости потому, что они ассоциируются с блоковым мышлением времен «холодной войны». — *Е.С.*).

Призывая к цивилизованному диалогу, основанному на принципе равенства и взаимном уважении, статья подчеркивает, что «сообщество единой судьбы» — это обещание Китая не строить свое развитие в ущерб интересам других стран и что выдвинутая концепция служит противовесом идее о «выживании наиболее приспособленных» («золотого миллиарда». — *Е.С.*)³⁸.

В последующие годы на международном уровне Си Цзиньпин неоднократно детализировал понятие СЕС, приводя, в частности, такое его определение, как «тесное сообщество, где все взаимосвязаны», и отмечая, что «во Вселенной есть только одна Земля, и мы, человечество, имеем только одну родину». Все это свидетельствует о намерении Китая путем ярких теоретических построений и активной «лозунговой» дипломатии расширить свое влияние на процессы регионализации и глобального управления не просто на институциональном, но и на духовном уровне³⁹.

Примечательно, что вскоре после XVIII съезда КПК, озвучившего первые идеи для концепции СЕС, поиски китайских экспертов по теме «единая судьба человечества» были продолжены, причем в

сфере изыскания нового свода универсальных ценностей. В статье Ван Ивэя, опубликованной 14 января 2013 г. «Жэньминь жибао», была подвергнута сомнению пригодность текущих «общечеловеческих ценностей», поскольку они-де являются «лишь преломлением универсальных ценностей через призму западной культуры»⁴⁰. Утверждалось, что мечтой западной цивилизации является торжество общечеловеческих ценностей в ее собственном понимании, а мечтой китайской цивилизации остается «великое единение» (датун). Особый акцент получила мысль о востребованности миром именно китайских ценностей, ибо «в них общечеловеческие ценности нашли свое полное выражение»⁴¹.

Согласно статье, основной посыл мирного развития Китая основан на триединстве следующих элементов: обретении Китаем величия, возрождении его нации и переходе (мировой) цивилизации на новый уровень. Под последним подразумевается создание на основе китайских ценностей системы, подходящей всему мировому сообществу, а также строя такой материальной и духовной культуры, который, взяв начало в Китае, будет служить на благо всех стран и станет плодом совместных усилий всех государств и народов.

Автор, опираясь на положения XVIII съезда КПК, в многоуровневом разрезе перечислил основные ценности китайской мировоззренческой модели. На уровне личности — патриотизм, преданность делу, честность, дружелюбие. На семейном уровне — свобода, равенство, справедливость, законность. На уровне государства — стремление к зажиточности и могуществу, демократии, цивилизованности и гармонии. Эксперт представил и китайский/незападный взгляд на основную общечеловеческую ценность, которая формулируется им как «мир повсюду под Небесами». Он подчеркнул, что именно в рамках такой системы ценностей — «общей для всего человечества, и будет формироваться Китай наших дней»⁴².

Отталкиваясь от мнения Ван Ивэя, можно сказать, что путь создания СЕС складывается из трех, порой противоречивых «дорожек»: во-первых, это движение «навстречу всему миру» через возвращение к лучшим образцам исконной китайской культуры и при этом — через творческое развитие проникших в китайскую цивилизацию элементов западной культуры. Во-вторых, создание «системы настоящих ценностей» путем «вобрания в себя» западной цивилизации и

отказа от мифа об «общечеловеческих ценностях» в западном понимании. В-третьих, формирование Китаем новой общечеловеческой цивилизации, когда он, став кормчим новой, постзападной эпохи, создаст предпосылки для «вечного развития всего человечества в мире, где Китай будет помощником и наставником каждого»⁴³.

Надо сказать, что политически статья проходит по «лезвию бритвы», ибо в ней весьма смело и даже резко прорисовано намерение Китая стать флагманом новой цивилизации и сформировать ее согласно собственным представлениям. Возникает вопрос о преждевременности таких заявлений как в плане состоятельности их материально-экономической базы (Китай — хоть и крупнейшая в мире, но все еще развивающаяся страна), так и в дипломатическом отношении. В мире отнюдь не изжиты опасения перед «китайской угрозой» и далеко не все страны благосклонно оценивают перспективу стать частью возглавляемой Китаем глобальной цивилизации. Однако при этом статья предельно честна: она не маскирует намерения Китая стать мировым лидером, еще раз подтверждая, что «сообщество (человечество) единой судьбы» должно стать плодом и воплощением именно китайских стремлений к мировому первенству.

Особо подробным и «вызревшим» изложением концепции «общества единой судьбы» стало выступление Си Цзиньпина в рамках 70-й юбилейной Генеральной Ассамблеи ООН (от 28 сентября 2015 г.). В нем китайский лидер перечислил общечеловеческие ценности, которые «совпадают с благородными целями ООН и разделяются всем человечеством»: мир, развитие, равенство, справедливость, демократия и свобода. Этим высший руководитель КНР, по сути, признал существование универсальных ценностей как таковых (и западных, и незападных), опровергая мнение ряда западных экспертов о том, что КНР «отрицает существование универсальных ценностей»⁴⁴, а также и китайских политологов, о чем говорилось выше.

Далее председатель КНР назвал задачи, которые следует выполнить, дабы достичь генеральной цели — создания СЕС. Формулировки этих задач можно рассматривать и как описание конкретных характеристик «общества единой судьбы».

Итак, для создания СЕС первым делом необходимо:

- установить партнерские отношения, при которых страны будут относиться друг к другу как к равным, проводить взаимные

консультации, соблюдать принцип невмешательства во внутренние дела других государств и отстаивать право всех стран самостоятельно выбирать общественный строй и путь развития;

- придерживаться принципа многосторонности отношений и отвергать односторонние (видимо, не поддержанные ООН. — *Е.С.*) действия;
- отказавшись от мышления эпохи холодной войны, создать систему общей безопасности, основой которой станут справедливость, законность, совместный вклад и коллективная выгода, ибо ни одна страна не может самостоятельно обеспечить себе абсолютную безопасность, и ни одна страна не в состоянии добиться стабильности за счет нестабильности других;
- стремиться к открытому, инновационному, инклюзивному и взаимовыгодному развитию, осознавая, что растущая разница между бедными и богатыми несправедлива и неприемлема. При этом важно формировать синергию сил рынка и действий правительства, добиваясь равенства и справедливости, а также того, чтобы никто не страдал от нужды, но каждый имел доступ к развитию и достойной жизни (это положение «приложено» и к условиям одной страны, и нескольких стран, и всего мирового сообщества. — *Е.С.*);
- наращивать всеобъемлющие межцивилизационные обмены на принципах взаимного уважения, равноправия, взаимозаимствования и гармоничного сосуществования. Многообразие человеческих цивилизаций способствует обмену, которые ведут к интеграции, а интеграция открывает новые возможности для прогресса, ускоряя развитие общечеловеческой цивилизации;
- объединить усилия в деле создания глобальной экологической цивилизации, при которой превыше всего ставится природа и экологически чистое развитие⁴⁵.

Свод изложенных в выступлении Си Цзиньпина положений, отражающих не просто взгляд на направления создания «Сообщества», но и его отличительные черты, получил название «пять в одном»⁴⁶.

В концентрированном виде этот квинтет излагается и поясняется так:

1. Поддержание международных отношений на основе равенства, взаимопонимания и партнерства, что названо «главным путем строительства сообщества с единой судьбой».

2. Соблюдение принципов справедливости правосудия, совместного строительства и использования структуры безопасности. Это рассматривается как «гарантии для создания СЕС».

3. Развитие на основе открытости и инноваций, инклюзивности и взаимовыгодности, что «соответствует основным принципам единой судьбы» и служит благом всех.

4. При сохранении верности своим принципам повышение взаимовыгодности сотрудничества и осуществление всеобъемлющих культурных обменов, ибо только так «можно закрепить становление сообщества с единой судьбой».

5. Создание «зеленой» экосистемы, поскольку только в ее условиях возможно достичь устойчивости развития сообщества с единой судьбой⁴⁷.

Похоже, что свод «пять в одном» являет собой яркий пример инновационного подхода к теории МО с китайской спецификой.

Практическое формирование СЕС, по мнению китайской стороны, должно начинаться со стран, расположенных по периметру КНР. Так, на Боаоском Форуме 2013 г. Си Цзиньпин подчеркнул намерение «твердо продвигать идею сообщества единой судьбы». Далее он выступил с речью в индонезийском парламенте, где выдвинул пять инициатив по созданию «сообщества единой судьбы» Китая и АСЕАН. А тема Форума Боао 2015 г. не без влияния КНР была определена как «Новое будущее Азии: навстречу сообществу единой судьбы»⁴⁸. Кроме того, Си Цзиньпин указывал и на конструктивность создания и реализации «мечты Азиатско-Тихоокеанского региона»⁴⁹.

Новейшим изложением концепции «Сообщества» стала речь Си Цзиньпина в штаб-квартире ООН в Женеве 18 января 2017 г.⁵⁰, где идея СЕС была конкретизирована формулой «мир общего процветания, созданный путем взаимовыгодного сотрудничества».

«Новеллой» стало включение в описание устоев СЕС тезиса о неприятии «господства одной или нескольких стран» и упор на кар-

динальной важности для «Сообщества» демократизации международных отношений, когда все страны участвуют в глобальном управлении, определяют будущее мира, устанавливают международные правила, обеспечивая распределение «результатов развития между всеми».

Также примечательна решительность призыва к отказу от конфронтационного блокового подхода в партнерских отношениях, к полному уничтожению ядерного оружия и к формированию открытой мировой экономики, свободной от негативных последствий протекционизма.

Симптоматично, что, ратуя за «здоровый» рост глобализации по пути к ее открытости, всеобъемлемости, сбалансированности и выгоды для всех, Си по сути внес в концепцию СЕС материальную конкретику, подчеркнутую призывом следовать экологичному, низкоуглеродному, возобновляемому и устойчивому образу жизни и производства⁵¹.

На пленуме ВСНП в докладе о работе правительства (март 2017 г.) устами Ли Кэцзяна Китай заявил о готовности приложить усилия по формированию нового типа международных отношений, базирующегося на принципе взаимовыгодности сотрудничества, и внести новый вклад в строительство «глобального сообщества с единой судьбой»⁵².

Строительство СЕС уже получает конкретное наполнение, к коему Пекин относит очень многие, если не все свои международные экономические инициативы. В этом контексте упоминается режим сотрудничества в бассейне р. Ланьцанцзян (Меконг), в рамках которого были определены 45 проектов. В Африке — предоставление Китаем многомиллиардной финансовой поддержки и строительство современной транспортной инфраструктуры, в Латинской Америке — реализация Плана сотрудничества «Китай — Латинская Америка» на 2015—2019 гг., в арабском мире — сотрудничество в сфере энергетики, инфраструктуры, торговли и инвестиций, в области ядерной энергетики и новых видов энергии и сооружения спутников особого назначения. В этом ряду также называются учреждение Фонда поддержки сотрудничества «Юг—Юг», реализация инициативы «Пояс и путь» с ее субпроектами — ЭПШП и МШП-21, а также создание АБИИ⁵³.

По всей видимости, формирование сообщества единой судьбы подразумевает три стадии и/или уровня: национальный, региональный (или межрегиональный) и глобальный. Вышеуказанный свод «пять в одном» вполне применим для национального строительства внутри самого Китая, поскольку подразумевает создание СЕС для всех народностей, регионов и экономических зон КНР. То же самое можно сказать и об уровне региональном: в китайской прессе уже проходила мысль, что, например, БРИКС способна представить собой сообщество единой судьбы регионально-организационного уровня⁵⁴. Когда же говорится о СЕС глобального масштаба, то тут видится более уместным перевод термина «жэньлэй минъюнь гунтунти» не как СЕСЧ, а как «человечество единой судьбы». Принципы всех трех уровней аналогичны, отличаясь лишь диапазоном применения и некоторыми акцентами в расстановке приоритетов.

В пользу определенной зрелости и понятийной доступности концепции «сообщества единой судьбы» говорит ее выход на зарубежный уровень. Свидетельством международного признания стало включение понятия СЕС в резолюцию, принятую в феврале 2017 г. на 55-й сессии Комиссии социального развития ООН. Позже эта резолюция была представлена в качестве рекомендаций Экономическому и социальному совету ООН (ЭКСОС). Применительно к Африке резолюция призывает международное сообщество усилить поддержку развитию «в духе взаимовыгодного сотрудничества и создания общего будущего, основанного на общей судьбе»⁵⁵.

Однако следует отметить, что мировое сообщество не склонно подобно Пекину поэтизировать концепцию СЕС, предпочитая выделять ее очевидные и/или достижимые черты. Так, Филипп Шарват, председатель 55-й сессии КСР ООН, видит главный смысл концепции в признании взаимосвязанности всех стран на земле. Он также отмечает ее долгосрочный (в силу сложности реализации. — *Е.С.*) характер⁵⁶. А Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш усматривает суть идеи в утверждении принципа мультилатерализма/многосторонности, важной опорой которого становится Китай⁵⁷. Выражая намерение ООН сотрудничать с КНР в деле мира и развития человечества и создания сообщества с единой судьбой⁵⁸, генсек ООН по сути увязывает понятие СЕС со стремлением ко всеобщему экономическому процветанию.

Строго говоря, в новейшее время Китай не был первым, кто артикулировал тезис об общей судьбе человечества. В различной нюансировке это понятие приводилось и в работах Дени Гуле по «этике развития», опубликованных в конце XX в., и британским социологом Зигмунтом Бауманом, в частности, в книге «Множество культур, одно человечество» (2008 г.). Не надо быть древнекитайским философом или французским просветителем, чтобы самостоятельно прийти к аналогичной идее: каждый политолог мыслит по принципу индуктивности. Однако беспримерной заслугой китайского руководства является возведение этой гуманистической концепции в ранг государственной политики. Она уже приносит ощутимую пользу Китаю, служа мощным механизмом его «мягкой силы».

2.5. XIX съезд КПК и китайско-американские отношения

XIX съезд КПК, определив международный статус Китая как «самой большой в мире развивающейся страны», обозначил цель движения вперед как «великое возрождение китайской нации», которое «без руководства КПК неизбежно стало бы утопией».

Предпосылкой достижения этой цели названо «полное воссоединение Родины», а конечным результатом внешнеполитических усилий КНР должно быть стимулирование «создания общества единой судьбы всего человечества», для чего необходим «стабильный международный порядок», опирающийся на «концепцию всеобщей комплексной и устойчивой безопасности».

Понятно, что столь амбициозные цели предполагают использование Китаем соответствующих инструментов, облегчающих их достижение. Преобладающая доля такого инструментария связана с мерами внутривнутриполитического характера, однако не последнее место в их числе отводится и действиям КНР на международной арене.

Главное состоит в том, что устами Генерального секретаря ЦК КПК и Председателя КНР Си Цзиньпина фактически было объявлено, что Китай уже «перерос» статус региональной державы и претендует на одно из первых мест среди ведущих государств мира.

На первый взгляд это может выглядеть как отход от прежней основополагающей позиции «копить силы и не высовываться», озвученной в свое время Дэн Сяопином и канонизированной теоретиками-политологами КНР. Ведь именно на основании этого высказывания многими аналитиками, в том числе зарубежными, тогда были сделаны выводы об отсутствии у Китая «имперских замашек» и ограниченности его устремлений достижением уровня «региональной силы».

Однако теперь выясняется, что это не так. Получается, что упомянутые выводы покоились на недостаточном знании китайского менталитета, включающего умение скрывать желаемое, говоря одно, думая другое, а делая третье. При этом многим знатокам Китая и раньше было ясно, что постулаты Дэна — стратегическая уловка, призванная до поры до времени скрывать истинные намерения «срединной империи».

Безусловно, заявка КНР на глобальное лидерство подкрепляется, в первую очередь, экономическими достижениями Пекина, но не только этим. Китай неуклонно наращивает свою политическую и военную мощь, укрепляя влияние в АТР и распространяя его на другие части мира. Одно из недавних свидетельств идейно-геополитического экспансионизма КНР — проект «Пояс и Путь».

К концу первой трети нынешнего века Пекин планирует занять передовые позиции в инновационной сфере, стать мировым лидером в областях фундаментальных научных исследований, аэрокосмических технологий и интернета, активизировать борьбу с глобальными изменениями климата.

Выступая за «открытое, инновационное, инклюзивное и взаимовыгодное развитие, содействие межцивилизационным обменам... гармоничное сосуществование... взаимовосприятие и взаимодополнение», Китай призывает к «формированию нового типа международных отношений... крупным переменам и серьезной перестройке в мире», «преобразованию системы глобального управления и международного порядка».

Однако это противоречит провозглашенному далее в докладе Си Цзиньпина весьма спорному обязательству КНР, с одной стороны, «ни в коем случае не... жертвовать интересами других стран ради собственного развития», а с другой, «ни при каких обстоятельствах

не... отказываться от своих законных интересов и прав». Интересы и права Китая на протяжении всей его истории многократно вступали в столкновение с интересами и правами других государств, а предлагаемый им слом существующей системы глобального управления и международного порядка неизбежно приведет к противодействию со стороны тех, кого эта система вполне устраивает и, в первую очередь, США.

Переживая разные периоды и потепления, и охлаждения, китайско-американские отношения всегда оставались достаточно сложными и трудно предсказуемыми. В этом смысле не является исключением их состояние и после воцарения в Белом доме президента Д. Трампа.

Вслед за президентской избирательной кампанией, сопровождавшейся антикитайской риторикой и демонстрацией «теплых чувств» к тайваньскому руководству, Трамп спустя два с половиной месяца после инаугурации пригласил Си Цзиньпина посетить США. Переговоры двух лидеров во Флориде позволили им не только познакомиться лично, но установить необходимые деловые контакты.

Очевидно, к еще не очень опытному в политическом отношении Трампу уже тогда пришло осознание того, что роль и значение КНР в жизни современной Америки весьма велики. Достаточно отметить, что почти за 39 лет с момента установления дипломатических отношений между США и континентальным Китаем объем их двусторонней торговли увеличился почти в 240 раз — с 2,5 до приблизительно 600 млрд долл., а обоюдные инвестиции на конец 2016 г. составили более 100 млрд долл. Соединенные Штаты реализуют в КНР 67 тыс. инвестиционных проектов в объеме около 80 млрд долл. При этом 90 % американских предприятий в КНР являются прибыльными. В свою очередь Китай создает в США большое количество рабочих мест и владеет американскими ценными бумагами на сумму 1,15 трлн долл.

В то же время на протяжении многих лет между двумя странами существуют трудно разрешимые экономические и политические расхождения и противоречия. Сохраняются торговые разногласия на почве значительного превышения доли китайского экспорта в США над импортом американской продукции на китайский рынок. По оценке Трампа, дефицит торгового баланса с КНР составляет у

Америки свыше 500 млрд долл., хотя эта цифра представляется несколько завышенной. Более реальный показатель дефицита двусторонней торговли — 350—370 млрд долл.

Вашингтон настаивает на расширении доступа американских компаний к китайскому рынку услуг, финансов и страхования — сферам, весьма чувствительным для Пекина. Кроме того, у американцев есть претензии к китайской стороне по поводу соблюдения прав интеллектуальной собственности, искусственного ослабления курса юаня, обеспечения свободы судоходства в Южно-Китайском море и по ряду других вопросов. Но приоритетное место среди остро актуальных тем заняла сегодня проблема Северной Кореи.

Хотя за семь месяцев после встречи руководителей двух стран во Флориде американо-китайские отношения порою накалялись почти до предела, стоит отметить, что именно Д. Трамп стал первым главой иностранного государства, позвонившим Си Цзиньпину после Съезда для того, чтобы поздравить его с переизбранием на должность Генерального секретаря ЦК КПК. Случай поистине беспрецедентный!

Перед поездкой в Азию Трамп выразил удовлетворение тем, что Пекин начал усиливать экономическое давление на Пхеньян: закрывать свою банковскую систему для Северной Кореи и ограничивать поставки нефти в КНДР. Американские спецслужбы, однако, полагают, что Китай рассчитывает сохранять Северную Корею в качестве буферной зоны, умышленно затягивая решение вопроса о ее денуклеаризации.

В разведсообществе США озабочены тем, что опасения Америки в отношении России отвлекают ее от той угрозы, которую представляет для нее Китай. Прежде всего, ставится под сомнение главный постулат американской политики в отношении КНР, гласящий, что торговля и контакты с Китаем якобы породят политические реформы в этой стране.

В вину Пекину вменяется подрыв установленного США мирового порядка, обеспечивавшего стабильность в Азии на протяжении последних 40 лет, включая переход к политике оказания давления в вопросе о Южно-Китайском море. Отмечается, что если в прошлом КНР ограничивала концепцию своих национальных интересов за-

шитою правления компартии и восстановлением контроля над Тайванем, то сегодня они простираются гораздо шире.

Все перечисленное звучит вызовом тем планам, которые намечены в докладе Си Цзиньпина по поводу переустройства международного порядка к середине текущего века. Однако американо-китайское военное столкновение спецслужбами США пока не прогнозируется, и в отличие от некоторых политологов представители американского разведсообщества не считают, что такой сценарий является предопределенным. При этом они исходят из того, что Китай не пытается конфликтовать с США или другими странами и стремится поддерживать стабильные связи с Вашингтоном.

Намерения сторон более рельефно и отчетливо проявились в ходе состоявшегося 8—10 ноября 2017 г. официального визита Д. Трампа в КНР, к которому оба лидера приближались далеко не в одинаковом психологическом состоянии. Си — в эйфории властного величия после успешно проведенного съезда, поддержавшего все его замыслы; Д. Трамп — изнуренный нагнетаемой СМИ неприязнью к нему как президенту со стороны значительного сегмента избирателей, и афронтом, демонстрируемым как законодателями на Капитолийском холме, так и частью республиканской партии, к которой он сам принадлежит.

К тому же, мировое лидерство США по существу оказалось в кризисе, в то время как Китай укрепил свое влияние. В силу этих причин большинство наблюдателей считали, что «командовать парадом», очевидно, будет Си Цзиньпин. Одновременно высказывались предположения, что особо торжественный прием, готовившийся для Трампа, якобы нацелен исключительно на то, чтобы «манупулировать его настроением», воспользовавшись его «любовью к мгновенным успехам», и создать условия для демонстрации немедленных результатов, ограничившись несколькими соглашениями вместо решения давних проблем в двусторонних отношениях.

По стечению обстоятельств Д. Трамп стал первым иностранным лидером, посетившим Пекин после переизбрания Си генсеком. А прибытие американского президента в КНР лишь 10 месяцев спустя после инаугурации и всего через семь месяцев после первой встречи с китайским руководителем в США было воспринято в Ки-

тае не только как знак важности отношений двух стран, но и как свидетельство глубокой заинтересованности Вашингтона в сохранении и упрочении американо-китайских связей.

«Китайско-американские отношения находятся на новом историческом старте. Китай готов вместе с США стремиться к взаиморезультативности и взаимной выгоде, фокусировать внимание на сотрудничестве, регулировать и контролировать разногласия», — заявил Си Цзиньпин, встречая американского гостя. «Не существует более важных тем, чем американо-китайские отношения», — ответил ему на переговорах Трамп. — Мы обладаем способностью решать мировые проблемы на долгие годы вперед».

Главными темами переговоров, безусловно, стали двусторонняя торговля и северокорейская проблема. По признанию большинства наблюдателей, ни по одной из них радикального прорыва достигнуто не было. По словам госсекретаря США Р. Тиллерсона, несмотря на многочасовые переговоры, в торговом вопросе «удалось достичь немного». И Соединенным Штатам пришлось «донести до китайских властей свое недовольство темпами прогресса». Чтобы итоговая сумма 28 подписанных торговых соглашений (253 млрд долл.) выглядела внушительнее, в нее включили не только прямые сделки и контракты, но и меморандумы о намерениях (порядка 15), реализация которых может вовсе не состояться. Хотя Пекин пошел на некоторое увеличение импорта из США, предполагается, что это было запланировано китайской стороной еще до приезда американского президента.

Попытки Трампа убедить Китай еще больше увеличить давление на Пхеньян оказались тщетными. Си Цзиньпин настоял на том, что «потребуется время, чтобы свою эффективность продемонстрировали недавно введенные против КНДР санкции». В то же время китайские эксперты полагают, что никакое ужесточение санкций не приведет к отказу Северной Кореи от ядерного оружия. Победой Пекина можно считать и то, что на переговорах так и не были затронуты ситуация в Южно-Китайском море, вопросы прав человека и свободы СМИ в КНР.

Что касается России, то напряженность в американо-китайских отношениях, очевидно, была бы ей на руку. Однако этого не произошло. На данный момент отношения между США и КНР намного

лучше, чем российско-американские связи, и Соединенные Штаты по существу преуспели в том, чтобы несколько отдалить Китай от России. В результате недавних китайско-американских контактов заметно ослабло глобальное влияние тройственной стратегической связки США—КНР—РФ. Наряду с геополитическими выпадами США разворачивают против РФ экономическое наступление с целью ограничить ее возможности как экспортера энергоресурсов. Свидетельство тому — объявленная ими газовая сделка с Китаем. С другой стороны, конкурентная борьба — неотъемлемый атрибут мирового рынка.

В свете всего вышесказанного необходимо избавиться от двух главных иллюзий, мешающих развитию отношений между РФ и Китаем: а) о якобы взаимозависимости экономик РФ и КНР и б) о реальности перспектив формирования военного союза между Россией и Китаем.

С учетом ситуации в КНР, сложившейся после XIX съезда КПК, нецелесообразно следовать рекомендациям ряда СМИ, которые рассматривают отношения внутри КПК и связи КНР с внешним миром через призму противоборства так называемых антиглобалистов — сторонников слома существующего мирового порядка — «глобалистами», т. е. теми, кто ратует за сохранение действующей системы организации мировой архитектоники. Даже если такая борьба и ведется, принятую в Китае практику «переходить реку вброд, ощупывая камни» никто не отменял. Поэтому в ходе реализации принятых съездом решений, включая внешнеполитические, возможны различные, самые неожиданные корректировки.

В любом случае, проблемы и ограниченные экономические возможности России невольно ставят ее в подчиненное и зависимое от КНР положение. И только реформирование экономики и реальная, а не фиктивная консолидация политических элит на пространстве бывшего СССР/СНГ могут способствовать изменению существующего положения.

Суммируя вышесказанное, подчеркнем основные моменты сложившейся ситуации:

- отношения между КНР и США — двумя ведущими экономическими державами — являются на данный момент действи-

- тельно одними из важнейших в мире. России следует принять это как данность и сделать для себя соответствующие выводы;
- новый исторический старт китайско-американских отношений, упомянутый Си Цзиньпином, означает вступление их в качественно иной этап, характеризующийся не только достижением КНР экономического паритета с США, но повышением геополитического статуса Китая, его официальной претензией на роль ведущей мировой державы и реализацию планов по созданию нового мирового порядка;
 - переживаемый США внешний кризис состоит в ослаблении их связей с рядом традиционных союзников — европейских, латиноамериканских и ближневосточных стран, в намеренном выходе из некоторых международных и региональных структур и объединений, в неприятии их нового лидера в странах, расположенных на разных континентах. Внутривластный кризис в США характеризуется противостоянием президента Д. Трампа с большинством американских СМИ, членами Конгресса США, с частью членов Республиканской партии, недовольством его действиями у некоторых слоев населения. Все это не может в итоге не отразиться на взаимоотношениях Америки с ведущими странами мира, в том числе с КНР и Россией;
 - главным соперником США на мировой арене потенциально остается Китай, и ужесточение борьбы между ними за сферы влияния еще впереди. Употребленный Трампом термин «Индо-Тихоокеанский регион» свидетельствует о возможных планах включения Соединенными Штатами враждебной Китаю Индии в грядущие геополитические «разборки», если продолжится вытеснение США из АТР и Восточной Азии;
 - заявленные на XIX съезде КПК планы КНР по переустройству мирового порядка в случае отсутствия договоренности с США о размежевании сфер интересов чреваты обострением китайско-американских противоречий, очередным кризисом в двусторонних отношениях и расширением конфликтного пространства;
 - России в сложившейся ситуации следует вести себя осмотрительно и осторожно, занять позицию лавирования и стараться

избегать продолжения обострения отношений с США. Возможно, следует попытаться настроить Китай на более активные совместные действия, в том числе и с США, на северо-корейском направлении. Нужно пытаться диверсифицировать наше геополитическое влияние, наращивая его не только на Ближнем Востоке, где большинство режимов, как известно достаточно коррумпированы, но и в других регионах, включая Африку и Латинскую Америку (первоначально хотя бы через каналы БРИКС).

Примечания

¹ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 19 октября 2017 г. Сочи. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55882>.

² Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК. URL: <http://ruchina.org/china-russia-article/china/61.html>

³ Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ См.: Первые 100 дней правления нового руководства КПК побудили мир возложить новые надежды на Китай. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8141047.html>

⁹ URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm

¹⁰ Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином. Дананг. 10 ноября 2017 г. URL: <http://kremlin.ru/catalog/persons/351/events/56046>

¹¹ Там же.

¹² Стороны продолжают проработку соответствующих мер по созданию Евразийского экономического партнерства на основе принципов открытости, транспарентности и взаимного учета интересов в целях продвижения интеграционных процессов в регионе» — подчеркнуто в Совместном заявлении РФ и КНР о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. 4 июля 2017 года. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5218>

¹³ *Киссинджер Г.* О Китае. М.: АСТ, 2014. С. 12.

¹⁴ Выдающиеся достижения Китая в области науки и технологий за последние 5 лет // Жэньминь жибао. 07.11.2017. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/1107/c31517-9289291.html> (дата обращения: 09.11.2017).

¹⁵ Разъяснение ключевых слов из доклада XIX съезда КПК // Китай. 2017. № 11. Ноябрь. С. 23.

¹⁶ Официальный сайт Госсовета КНР. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2015-07/07/content_1941161.htm# (дата обращения: 19.10.2017).

¹⁷ См. видеоролик «Стратегическое значение концепции комплексной государственной безопасности» на сайте Цюши: URL: http://www.qstheory.cn/2016-07/05/c_1119167482.htm (дата обращения: 19.10.2017).

¹⁸ Си Цзиньпин чжучши чжаокай гоця аньцюань гунцзо цзотаньхуэй : [Си Цзиньпин открывает рабочий семинар по вопросам национальной безопасности] // Синьхуа/ 17.02.2017. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2017-02/17/c_1120486809.htm (дата обращения: 23.02.2017).

¹⁹ Ли Дагуан. Гоця аньцюань : [Национальная безопасность]. Пекин: Чжунго яньши чубаньшэ, 2016. С. 1—15. К ним относятся политическая (*чжэньчжи аньцюань*), территориальная или безопасность территории государства (*готу аньцюань*), военная (*цзюньши аньцюань*), экономическая (*цзинци аньцюань*), культурная (*вэньхуа аньцюань*), общественная (*шэухуэй аньцюань*), научно-технологическая (*кэцзи аньцюань*), информационная (*синьси аньцюань*), экологическая (*шэнтай аньцюань*), ресурсная (*цзыюань аньцюань*) и ядерная (*хэ аньцюань*).

²⁰ Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. М.: Мысль, 1973. Т. 2. С. 153.

²¹ И цзин — Чжоу И. Система перемен — Циклические Перемены / пер. с кит. Б.Б. Виноградского; сост. В.Б. Курносовой. М.: Северный ковч, 1999. С. 390.

²² Хуаньцю шибао. 06.11.2017. URL: <http://opinion.huanqiu.com/hqpl/2017-11/11357632.html> (дата обращения: 07.11.2017).

²³ Ли Дагуан. Гоця аньцюань : [Национальная безопасность]. Пекин: Чжунго яньши чубаньшэ, 2016. С. 2.

²⁴ Чжао Лэй. «Пояс и путь» и два юбилея // Китай. 2017. № 11. Ноябрь. С. 38.

²⁵ Хань Цинсян. Формирование сообщества единой судьбы человечества // Китай. 2017. № 11. Ноябрь. С. 34—35.

²⁶ Цзинь Цаньжун: Чжунго вайцзяо вэйшэньмэ нэн индэ шицзе хаопин? [Почему китайская дипломатия может заслужить положительную оценку мира] // Цюши. URL: http://www.qstheory.cn/zhuanqu/qsft/2017-11/07/c_1121918516.htm (дата обращения: 07.10.2017).

²⁷ Чжао Лэй. «Пояс и путь» и два юбилея // Китай. 2017. № 11. Ноябрь. С. 37.

²⁸ Там же. С. 37.

²⁹ Ли Дагуан. Гоцзя аньцюань : [Национальная безопасность]. Пекин: Чжунго яньши чубаньшэ, 2016. С. 1.

³⁰ Цзинь Цаньжун: Чжунго вайцзяо вэйшэньмэ нэн индэ шицзе хаопин? [Почему китайская дипломатия может заслужить положительную оценку мира] // Цюши. URL: http://www.qstheory.cn/zhuanqu/qsft/2017-11/07/c_1121918516.htm (дата обращения: 07.10.2017).

³¹ Ли Фэнъянь. О «симбиозе гармонии и сотрудничества» — новая модель взаимодействия Китая с миром / Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Москва, 16—18 октября 2013 г. М.: ИДВ РАН, 2013. С.65—67.

³² Разъяснение ключевых слов из доклада XIX съезда КПК // Китай. 2017. № 11. Ноябрь. С. 22.

³³ См., например: URL: <http://carnegie.ru/2017/10/31/ru-event-5732>

³⁴ Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm

³⁵ Там же.

³⁶ Доклад Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК. URL: <http://ruchina.org/china-russia-article/china/61.html>

³⁷ Приводится по: *An Xinzhu*. Un destino comun para la humanidad // China hoy. 30.09.2017. URL: http://www.chinatoday.mx/pol/content/2017-09/30/content_747739.htm; лекция Си Цзиньпина в МГИМО. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=c1vScxbHRP0>

³⁸ Приводится по: Сайт агентства Синьхуа. URL: http://www.china.org.cn/opinion/2015-05/22/content_35633519.htm

³⁹ См.: Сайт China Today. URL: http://www.chinatoday.com.cn/english/economy/2017-09/28/content_747590.htm

⁴⁰ Ван Ивэй. Китайская модель разрушает гегемонию «общечеловеческих ценностей». URL: <http://inosmi.ru/world/20130114/204595110.html>

⁴¹ Там же.

⁴² URL: <http://inosmi.ru/world/20130114/204595110.html>

⁴³ Ван Ивэй. Указ. соч.

⁴⁴ Приводится по: Ван Ивэй. Указ. соч.

⁴⁵ Совместное формирование новых партнерских отношений сотрудничества и взаимного выигрыша, создание сообщества единой судьбы. Выступление Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН (28 сентября 2015 г.) // Сайт Посольства КНР в РФ. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbdd/QQ13/t1320669.htm>

⁴⁶ URL: http://www.chinatoday.com.cn/english/economy/2017-09/28/content_747590.htm

⁴⁷ См.: *An Xinzhu*. Op. cit.

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ URL: http://www.chinatoday.com.cn/english/economy/2017-09/28/content_747590.htm

⁵⁰ Work Together to Build a Community of Shared Future for Mankind. Speech by H.E. Xi Jinping President of the People's Republic of China at the United Nations Office at Geneva. Geneva, 18 January 2017. URL: <https://america.cgtn.com/2017/01/18/full-text-of-xi-jinping-keynote-speech-at-the-united-nations-office-in-geneva>; Председатель КНР Си Цзиньпин призвал к достижению общего и взаимовыигрышного развития для будущего человечества. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgxw/t1431889.htm>

⁵¹ Ibidem.

⁵² Сайт агентства Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2017-03/12/c_136122323.htm

⁵³ URL: http://russian.news.cn/2017-03/12/c_136122323.htm; URL: http://www.chinatoday.mx/pol/content/2017-09/30/content_747739.htm

⁵⁴ Сайт агентства Синьхуа. Xi pide a BRICS forjar comunidad de destino común. URL: <http://spanish.peopledaily.com.cn/n/2015/0710/c31621-8918284.html>

⁵⁵ Цит. по: URL: <https://rg.ru/2017/03/13/komissii-a-oon-priniala-koncepciiu-ob-shchej-sudby.html>

⁵⁶ Сайт агентства Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2017-03/12/c_136122323.htm, а также URL: <https://rg.ru/2017/03/13/komissii-a-oon-priniala-koncepciiu-ob-shchej-sudby.html>

⁵⁷ China hoy. 30.09.2017. URL: http://www.chinatoday.mx/pol/content/2017-09/30/content_747739.htm

⁵⁸ Сайт агентства Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2017-03/12/c_136122323.htm

Раздел III

ПЕРСПЕКТИВЫ

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

3.1. XIX съезд КПК и его возможные последствия для внешней политики КПК/КНР и российско-китайских отношений

26 октября В. Путин в телефонном разговоре поздравил Си Цзиньпина с переизбранием на пост генерального секретаря ЦК КПК, а также с успешным проведением XIX съезда КПК. Он подчеркнул, что утверждение на съезде идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи представляется крайне важным, а результаты работы съезда в полной мере продемонстрировали доверие и поддержку, которой пользуется возглавляемая Си Цзиньпином КПК со стороны широких масс народа Китая. Отношения между Россией и Китаем являются образцом мирного сосуществования крупных держав в современном мире. В. Путин также выразил намерение поддерживать тесные контакты с Си Цзиньпином, продвигать сотрудничество между Россией и Китаем по всем направлениям и поддерживать близкие связи и координацию по важным международным и региональным вопросам.

Си Цзиньпин поблагодарил В. Путина за поздравления и отметил высокий уровень единства мнений 89 млн членов КПК. По словам Си, КПК обладает как уверенностью, так и возможностями для того, чтобы привести народ Китая к успеху в борьбе за великое возрождение китайской нации. Си Цзиньпин также подчеркнул, что

развитие Китая невозможно отделить от мира. Китай и Россию связывают всесторонние отношения стратегического взаимодействия и партнерства, и **Китай будет неизменно решительно углублять отношения с Россией вне зависимости от изменений международной обстановки**. Китай намерен следовать по единой траектории с Россией, добиваться еще большего развития двусторонних отношений и еще больших результатов.

Судя по словам президента РФ, основой наших двусторонних отношений является принцип сотрудничества; наша сторона стремится к согласованию позиций как в области двусторонних, так и многосторонних, региональных и глобальных отношений и проблем. Наша сторона заинтересована в сохранении и поддержании атмосферы доброжелательности в наших отношениях.

Си Цзиньпин подчеркнул, что прошедший съезд утвердил общий курс и программу для будущего развития партии и государства. По сути дела, это новый генеральный курс КПК, «ядром» которой ныне выступает Си Цзиньпин. Речь идет о признании и в нашей стране своего рода культа личности Си Цзиньпина, а также его «идеи» в качестве генерального курса партии и государства.

Си Цзиньпин также говорит о том, цель КПК — это великое возрождение китайской нации. Осуществление этой цели, по словам Си Цзиньпина, — это исторический долг и миссия КПК. Следовательно, придется приспособливаться к действиям с целью возродить нацию Китая, считаться с требованиями Китая, если это трактуется в Китае как часть возрождения нации Китая. Нельзя исключать и того, что речь идет и о так называемых «утраченных территориях» нации Китая (по словам Мао Цзэдуна, сказанным им еще в 1964 г. и не опровергнутых и сегодня, Китай еще не предъявлял счет по реестру якобы отторгнутых Россией у Китая земель).

По словам Си Цзиньпина, развитие Китая невозможно отделить от мира. Это означает, что всему человечеству и России как одной из его частей придется считаться с выполнением КПК ее исторической миссии и исторического долга — Великим Возрождением нации Китая.

По словам Си Цзиньпина, Китай намерен следовать по единой траектории с Россией. По сути, это все та же мысль о том, что у человечества есть общая судьба, общая судьба с нацией Китая.

Сразу же после окончания съезда посол КНР в РФ Ли Хуэй вернулся в Москву, где уже собрались шесть генеральных консулов КНР в РФ. По итогам съезда всем им было поручено «цзян чжунго ды гуши» — доводить до людей в России «рассказы о Китае». Следовательно, активная работа по внушению людям в нашей стране того, что они должны усвоить и как им следует воспринимать политику Китая — вот главное содержание политики КПК—КНР в отношении нашей страны по итогам XIX съезда КПК. Одновременно центральные СМИ КНР опубликовали в период съезда материал с критикой неправильных, с их точки зрения, оценок состояния китайско-российских отношений некоторыми лицами в РФ.

Нужно также отметить, что 26 октября 2017 г. газета «Жэньминь жибао» на первой полосе в верхнем углу (где в свое время печатали цитаты из трудов Мао Цзэдуна) поместила сообщение о телефонном разговоре Си Цзиньпина и Дональда Трампа. Весь остальной текст на странице был набран красным шрифтом. В середине страницы был помещен портрет Си Цзиньпина. Вокруг — сообщения о съезде и новых членах руководства партии. Сообщение о разговоре Си Цзиньпина с президентом РФ Путиным в «Жэньминь жибао» появилось только на следующий день, при этом оно было меньше и на менее почетном месте.

8 ноября 2017 г. президент США Д. Трамп начал государственный визит в КНР с посещения музея Гугун в Пекине. Во время экскурсии Трампа в Гугун главы государств обменялись мнениями в ходе неформального общения. Тем самым было подчеркнута желанность не придавать отношениям между нынешним президентом США и нынешним председателем КНР сугубо официальный характер. Одновременно это был шаг, демонстрировавший желание американцев подчеркнуть интерес и уважение к истории и культуре Китая, а китайцев — «рассказать о Китае», рассказать о своей истории и культуре, создать такую атмосферу двусторонних отношений, которая могла бы объединить воззрения китайцев и американцев. А 9 ноября в зарубежном издании газеты «Жэньминь жибао» было помещено сообщение под заголовком «Китай и США заинтересованы в дальнейшем благоприятном развитии двусторонних отношений», который свидетельствовал о намерении китайской стороны создать нужную, с их точки зрения, атмосферу визита. В статье гово-

рится о том, что, чтобы понять направление развития китайско-американских связей, международному сообществу необходимо разобраться в следующих трех вопросах.

Во-первых, это вопрос о том, как относиться к Китаю. Ключевым фактором здесь является объективное и правильное понимание «китайской специфики». КНР — это развивающаяся страна с длительной историей и многочисленным населением, а также социалистическое государство, которое управляется КПК. Американцам предлагается считаться со «спецификой Китая», иными словами, исходить из того, что Китай — это не обычное государство, а исключительное.

С одной стороны, Китай по-прежнему все еще развивается и поэтому нуждается в помощи со стороны США как развитой в экономическом отношении страны. То есть США должны продолжать действовать усилению Китая, в том числе и его военно-экономической мощи. Но одновременно США должны понимать, что в мире есть много развивающихся стран, и в лице Китая Америка имеет дело с их главным представителем на планете, их лидером. Мир разделен, и у каждой из его «двух половин» есть лидер, одним из лидеров является Китай. Лидерам придется договариваться между собой; при этом Америка должна считаться с позицией и требованиями Китая.

Кроме того, подчеркивается, что Китай является социалистической страной и что у Китая длительная история и многочисленное население. Все эти факторы составляют специфику Китая и определяют, с точки зрения КПК, политику страны, с которой должны считаться партнеры.

Вместе с тем говорится, что КНР будет продолжать осуществлять дипломатию с китайской спецификой, защищать мир на планете и стимулировать совместное развитие, стремиться к дружественному сотрудничеству между разными странами. Китай постоянно будет вносить вклад в глобальное развитие, защищать международный порядок. Развитие КНР — это возможности для мира, а не вызов, тем более не угроза. Похоже, в Китае понимают, что в мире, во многих, особенно соседних, странах, к Китаю относятся с настороженностью.

Во-вторых, в статье ставится вопрос: как относиться к миру? По мнению авторов, мир переживает перемены, среди которых главны-

ми тенденциями предстают мир и развитие. Китай предлагает человечеству, с одной стороны, мир, с другой — развитие, в котором нуждаются и Китай, и все остальное человечество. Однако КПК—КНР до сих пор никак не доказали, что они привержены идее мира. Да, в своей пропаганде они говорят о мире. Но одновременно делают все, что в их силах, для создания самого мощного в мире военного потенциала.

Далее говорится о том, что Китай приветствует глобализацию, а также понимает вызовы, которые приносит с собой глобализация. Всем странам следует объединить усилия и действовать в одном направлении, продвигать экономическую глобализацию на базе открытости, инклюзивности, благоприятствования, равновесия и обоюдного выигрыша. В действительности в Китае стремятся использовать глобализацию экономики в своих интересах. Призыв ко всем странам объединить усилия оборачивается в этом случае призывом признать руководящую, направляющую и управляющую роль Китая в ходе глобализации. При этом на практике оказывается, что китайская сторона заботится прежде всего о выгоде для себя.

Третий вопрос, как относиться к китайско-американскому соперничеству? Ключевым фактором является наличие глобальной перспективы, трактовку которой также предлагают с китайской стороны. Эта перспектива складывается из двух частей. Будучи крупнейшими экономиками в мире и постоянными членами СБ ООН, Китай и США имеют обширные общие интересы в защите мира и стабильности на планете, стимулирования глобального развития и процветания; они несут на себе важную ответственность. Интересы двух стран глубоко пересекаются, они нужны друг другу. Китай не является соперником или врагом, как думают некоторые. Снова возникает перспектива возникновения на планете «большой двойки» и на условиях Китая.

* * *

На наш взгляд, прошедший XIX съезд партии выглядел во многом декоративным мероприятием, и в этом нашла свое отражение ситуация и в партии, и в стране в целом. КПК и ее руководство продолжают держать власть в своих руках. В то же время существенных

реформ, позволяющих решать существующие политические и экономические проблемы, не происходит. Съезд не был посвящен обсуждению реальных проблем, не были предложены и пути их решения.

Представляется, что необходимость появления «ядра» — проявление слабости руководства правящей партии, ненормальности обстановки в партии и в стране. В то же время нынешнюю ситуацию можно характеризовать как компромисс между всеми главными силами внутри руководства партии (все три лидера КПК и КНР на последнем заседании съезда сидели в первом ряду президиума: в центре Си Цзиньпин, справа от него Ху Цзиньтао, а слева — Цзян Цзэминь). Во всяком случае, говорить о реальном единовластии Си Цзиньпина нет оснований. Тем не менее большинство руководителей партии сочли необходимым укрепить номинальное первое место Си Цзиньпина в партийной иерархии.

Судя по докладу, главная национальная идея сегодня — это великое возрождение нации Китая, достижение китайцами главенствующего положения по отношению ко всему человечеству.

В докладе говорится о том, что «страна переживает важный стратегический благоприятный момент». Но одновременно существуют и серьезные вызовы. Под благоприятным моментом имеются в виду противоречия и конфликты между различными силами на планете, то, что США и прочие находятся в «состоянии упадка». В то же время говорится о недопустимости чувства самоуспокоенности, поскольку «глобальные проблемы обостряются». При этом мечта Китая объединяется с мечтой о сильной армии, о сильных вооруженных силах, чему также уделено большое внимание в докладе.

На все это необходимо обратить внимание. Необходимо анализировать развитие ситуации и учитывать курс Китая на усиление вооруженных сил и на подготовку войны самым тщательным образом.

В докладе предлагается курс «всесторонне продвигать вперед китайскую самобытную дипломатию великого государства, формировать многовекторную, многоуровневую, многоярусную, многоступенчатую, стереоскопическую обстановку в области внешних связей с тем, чтобы создавать прекрасные внешние условия для развития страны». Это означает осуществление глобальной стратегии, нацеленность на будущее, нацеленность на действия в любом районе планеты. Этой стратегии подчинены все действия в сфере внешней

политики, независимо от того, кто их осуществляет — государство или негосударственные структуры.

В докладе говорится о том, чтобы содействовать реформе системы глобального управления, повышать влияние Китая в мире. Стоит выяснить у китайских коллег, что подразумевается под реформой системы глобального управления. В Китае считают, что в истории человечества глобальное управление лучше всех осуществляли китайцы. Можно предполагать, что речь идет о возрождении подобной ситуации.

В докладе предлагается поднимать международный статус КНР на ранее невиданную высоту. К термину «возвышение» стоит приглядеться, чтобы понять, что это означает на практике, прежде всего, для нашего народа и нашей страны.

Центральное теоретическое положение доклада Си Цзиньпина — это идея китайского самобытного социализма в новую эпоху. Речь идет о «возвышении» Китая. У Си Цзиньпина это характеризуется термином «вэй да фэй юе» — великий взлет. А до того Китай претерпел много горестей и невзгод, причем подразумевается, что эти невзгоды принесли Китаю иностранцы.

Китай давно уже не является страной, которую кто-то угнетает, причиняет ей страдания. Реальная ситуация такова, что сегодня никто в мире не может напасть на Китай, навязать ему свой контроль или свое господство. Наоборот, многие рассматривают именно Китай как угрозу, озабочены тем, как бы эту угрозу сдержать. В этой ситуации заявления о страданиях и невзгодах Китая могут восприниматься как намеренное желание властей Китая оказать нажим на того или иного партнера.

С точки зрения Си Цзиньпина, за годы КНР страна уже пережила две «эпохи». Сначала «эпоху Мао», во время которой она «встала во весь рост» (чжаньцилай). Затем «эпоху Дэна», когда страна «обогатилась» (фуцилай). Наконец теперь страна живет в «эпоху Си», для которой основной характеристикой является сила, страна сегодня «усилилась» (цянцилай). Три иероглифа предстают как символы или девизы трех «эпох»: «чжань — встать» для «эпохи Мао», «фу — богатеть» для эпохи Дэна, «цян — сила» для «эпохи Си».

В историческом разделе доклада говорится о том, что «Коммунистическая партия Китая, как только была создана, поставила своей целью осуществление коммунизма и историческую миссию осуществ-

вления великого возрождения нации Китая...». То есть у КПК изначально существовала двуединая цель: осуществление коммунизма и великое возрождение нации Китая. Очевидно, таким образом решается трудная задача соединения коммунизма и национализма. При этом национализм явно занимает главенствующее положение, а с интернационализмом, похоже, пришлось окончательно распрощаться.

Стоит заметить, что в докладе постоянно повторяется термин «цян» — сильный, постоянно подчеркивается, что нынешняя эпоха требует сильного государства и сильной армии. При этом, имея в виду и реальную мощь Китая, и ситуацию на планете, очевидно, что сильное государство и сильная армия нужны нынешним китайским руководителям не для того, чтобы защищать Китай от нападения извне.

В докладе сказано: «Китай ни в коем случае не будет жертвовать интересами других стран ради того, чтобы развиваться самому, а также ни в коем случае не будет отказываться от своих законных (справедливых) интересов, ни у кого не должно быть иллюзий, что можно заставить Китай проглотить горькие плоды нанесения ущерба его интересам». Представляется, что такая формулировка позволяет китайской стороне иметь руки развязанными в любой ситуации. С одной стороны, дается заверение в том, что развитие Китая не наносит никому никакого ущерба. Но одновременно говорится, что Китай ни в коем случае не будет отказываться от своих законных справедливых интересов. Более того, «ни у кого не должно быть иллюзий, что можно заставить Китай проглотить горькие плоды нанесения ущерба его интересам».

Далее говорится: «Китай осуществляет политику оборонительного характера. Развитие Китая не создает угрозы ни одному государству. Вне зависимости от того, до какой степени будет развит Китай, он никогда не будет именоваться ба — гегемоном, никогда не будет заниматься экспансией». Термин ба в связи с международными отношениями также был введен в свое время Мао Цзэдуном. Обычно его переводят словом «гегемон», однако необходимо уточнить, что в истории Китая «ба» именовали того, кто незаконно претендовал на верховную власть (по мнению Мао, СССР и США незаконно претендовали на верховную власть над миром).

В целом на основе изучения доклада можно сказать, что КПК на съезде заявила, по сути, о переходе внешней политики Китая в стадию

активного осуществления глобальной стратегии, составной частью которой является реформирование управления глобальными делами. При этом Си Цзиньпин прямо говорит о «мудрости и силе Китая».

В заключительной части доклада вновь появляется слово «сильный». Си Цзиньпин, в частности, подчеркивает: «Великое дело с необходимостью требует руководства со стороны сильной партии». Сила — вот главное слово в докладе Си Цзиньпина.

Другое важное слово — это «величие». «Вэйда миньцзу» — великая нация, «вэйда жэньминь» — великий народ, «вэйда чжэندان» — великая политическая партия, «вэйда мэньсян» — великая мечта. В время правления Мао Цзэдуна некоторые в Китае говорили: «У нас теперь все великое». Похоже, что в этом смысле мы как бы возвращаемся в прежние времена.

* * *

Вопрос об отношениях с Китаем — это главный вопрос во внешней политике России. На решении этого вопроса, то есть на защите интересов нашего народа и нашей страны, необходимо сосредоточить все материальные и духовные силы.

В настоящее время у нас в этом отношении нет многого, в первую очередь руководящего центра. Необходимо иметь единый руководящий центр, определяющий всю политику РФ в отношении Китая. Исторический опыт показывает, что эту работу целесообразно осуществлять под руководством верховного государственного совещания. Речь идет о группе руководителей: президент, глава правительства, министры обороны, иностранных дел, экономики, финансов; возможно привлечение руководителей иных ведомств.

В администрации президента целесообразно иметь специальный отдел по Китаю. Отдел может быть наделен полномочиями для отслеживания исполнения решений верховного государственного совещания и должен опираться на мнения китаеведов, других экспертов и специалистов.

Необходимы экспертные центры. В том числе ИДВ РАН. При этом часть его деятельности должна носить открытый, а часть — закрытый характер. ИДВ и другие научные центры по Китаю должны находиться на особом государственном материальном снабжении и

не испытывать недостатка в средствах, чтобы обеспечить приток кадров, в том числе молодежи.

Исследования по Китаю должны носить комплексный характер. Это означает объединение центров изучения Китая внутри России, объединение их усилий возможно с помощью всероссийской организации китаеведов. Необходимы также совместные исследования китаеведов России с китаеведами государств — бывших республик СССР, восточно-европейских стран, Европы, Америки, Японии, Индии, мусульманских государств, соседних с Китаем стран и т. д. Вся эта работа в настоящее время прекращена, а без этого не удастся согласовывать действия с другими частями человечества по общей для них проблеме: взаимоотношения с Китаем.

Необходимо повысить значение работы Общества российско-китайской дружбы. Оно на деле должно быть обществом дружбы народов России и Китая (чиновники МИД КНР утверждают, что соответствующее общество в Китае является инструментом МИД КНР). Действующий президент РФ и действующий председатель КНР могли бы стать почетными председателями соответствующих обществ дружбы между народами. Средства на работу общества в нашей стране должны выделяться из государственного бюджета.

Целесообразно настаивать перед китайской стороной на проведении неоднократно Годов дружбы России с Китаем и Китая с Россией. Например, совместные военные маневры РФ и КНР сначала именовались «миссией дружбы», затем, по настоянию китайской стороны, были переименованы в «миссию мира», в то время как такие же учения, например, с Пакистаном, именуются «миссией дружбы».

Необходимо внимательнее относиться к работе институтов Конфуция в нашей стране и к туризму из Китая. Все то, что говорится при обучении студентов в институтах Конфуция и гидами туристам из Китая, должно проходить утверждение соответствующими учреждениями нашей стороны. Преподаватели и гиды должны говорить только то, что отвечает интересам нашей страны, а за нарушения — лишаться права заниматься этой работой.

Работа всех чиновников, бизнесменов, работников сферы образования и науки, а также средств массовой информации, которые имеют отношение к Китаю, должна быть под особым контролем —

нужно исключить работу по принципу «поддакивания» китайской стороне и работу фактически на содержании у китайской стороны.

При осуществлении экономической деятельности необходимо исходить из того, что китайская сторона как покупатель в большей мере заинтересована в таких связях, чем наша сторона. При этом необходимо помнить, что земля, вода и воздух — наше национальное и общечеловеческое достояние, которое следует беречь и передать потомкам, а не «разбазаривать».

В учебниках для средних и высших учебных заведений России должны быть разделы, в которых рассказывается об истории наших отношений с Китаем с позиций защиты наших интересов — у населения нашей страны должно быть правильное представление об истории наших отношений.

По острым вопросам истории наших отношений могут быть дискуссии с китайскими коллегами — важно отделить вопросы о взглядах тех или иных ученых от межгосударственных отношений.

Было бы целесообразно заменить все ныне действующие договоры о границе одним новым общим договором о границе, с которыми были бы согласны обе стороны. Необходимо также разработать и подписать договор о режиме границы.

Во взаимоотношениях с китайской стороной важно подчеркивать, что главные принципы этих отношений — это дружба и отношения между народами, в интересах народов. Следует напоминать, что существуют и должны пропагандироваться Реестр добрых дел России по отношению к Китаю и Реестр добрых дел Китая по отношению к России. В то время как в настоящее время с китайской стороны фактически предъявляется необоснованный исторический счет к нашему народу и нашей стране.

При изучении внешней политики Китая первостепенную важность, помимо наших двусторонних отношений, имеют отношения Китая и США, Китая и государств Европы, а также Китая и Индии, Китая и государств Средней Азии, Китая и Монголии, Китая и мусульманских стран, Китая и Израиля. И, наконец, Китая и соседних с Китаем государств. Важным также представляется специальное изучение отношений между Китаем и бывшими советскими республиками, Китаем и государствами Восточной Европы. Эта работа должна быть развернута, причем в рамках комплексных и совмест-

ных исследований. Например, вопрос об отношениях Китая и Америки должен рассматриваться совместно ИДВ РАН и Институтом США и Канады РАН.

Необходимо наладить обмен мнениями, совместное изучение вопросов, касающихся наших отношений с Китаем, представителями государственных учреждений, бизнеса, учеными, преподавателями вузов, журналистами, работниками СМИ. В научных учреждениях, в университетах и в средствах массовой информации важно обеспечить свободу высказываний от своего имени и в частном порядке различных мнений о Китае, его политике, взаимоотношениях нашей страны и Китая.

Необходимо исходить из различий между идеологиями в нашей стране и в Китае. Это — разные идеологии.

Нужно осторожно относиться к утверждениям о том, что сейчас мы переживаем лучший период в истории отношений; что в пограничном вопросе поставлена точка; не соглашаться с утверждением о том, что анализ внутреннего положения в Китае — это, дескать, досужие домыслы о стабильности в Китае.

На XIX съезде КПК ее руководство, прежде всего Си Цзиньпин объявили о переходе глобальной стратегии Китая в активную фазу, фактически противопоставляя себя «остальному человечеству». Главным соперником в конкурентной борьбе за мировое господство они считают США. России при этом предназначена роль «отвлекающего маневра», того, кто должен находиться в состоянии постоянной конфронтации с США. В целом речь идет о противостоянии Китая и «остального человечества». В ходе этого противостояния «остальному человечеству», каждой его части так или иначе придется защищать свои интересы от активно осуществляющего свою глобальную стратегию Китая. Эта ситуация будет побуждать «остальное человечество» объединять усилия. Вопрос в том, сумеет ли и успеет ли «остальное человечество» осознать ситуацию.

3.2. XIX съезд КПК: что он может значить для России

Самое главное, что необходимо отметить — это то, что съезд зафиксировал становление Китая в новом качестве: глобальной державы, вышедшей в число мировых лидеров по совокупной нацио-

нальной мощи, мыслящей глобальными категориями и сообразно своей мощи принимающей на себя значительную долю ответственности за судьбы мира. При этом Китай идет собственным путем развития, отличным от путей, присущих государствам Запада, догоняя и обгоняя эти государства, поднимаясь все выше к вершинам мирового лидерства. Съезд наметил также перспективы дальнейшего развития страны и снабдил ее новой идеологической платформой — идеями Си Цзиньпина, поименованными как концепция социализма с китайской спецификой в новую эпоху.

При этом материалы съезда буквально пропитаны духом китайского национализма, питающегося гордостью за историю и культуру народа и в особенности за его нынешние успехи. Было бы удивительно, если бы в идеологии столь успешно развивающегося государства таких масштабов, как КНР, не появились мессианские тенденции. И они, действительно, появились и нашли четкое выражение в формулировках типа: развитие социализма с китайской спецификой «открыло развивающимся странам новые пути к модернизации, предоставило совершенно новые альтернативы странам и нациям, стремящимся ускорить свое развитие и сохранить собственную независимость»¹.

Мессианство было свойственно и СССР, и дореформенному социалистическому Китаю, присутствует оно и в политике США. Но советско-китайское социалистическое мессианство и американское мессианство предусматривали (предусматривают) уход с мировой сцены определенных политических режимов и социальных систем — в результате победы социалистического строя или, в другом случае, многопартийного демократического строя. Это — конфронтационные, агрессивные виды мессианства.

В отличие от них китайское мессианство — это идеология всеобщего выигрыша, толерантности, равноправия, взаимного уважения и т. д. Это идеология общей судьбы человечества. В ней, конечно, есть немалая доля утопизма и едва ли сам Китай удержится в ее рамках (некоторые наблюдатели считают, что факты рассогласования идей и действий в политике Пекина налицо уже сегодня).

Тем не менее предложенная Китаем идеология способна работать на смягчение конфликтов и конфронтации в современном мире и тем самым приносить общую пользу. Вместе с тем, она прекрасно

обслуживает интересы самого Китая, в целом держащего курс на экономическую, а не на силовую экспансию и не испытывающего необходимости затевать вооруженные конфликты или вмешиваться во внутреннюю жизнь других стран. При этом огромная «жесткая» сила Китая порождает особый вид вторичной, психологической силы (назовем ее «мягким последствием жесткой силы»): противник отступает, понимая, что силовым конфликтом с Китаем ему не выиграть и будет целесообразнее сделать упор на экономическое сотрудничество с Пекином. А пробудившаяся национальная гордость придает ее носителям уверенность в себе, напор. И тем самым также увеличивает силу Китая (на этот раз, очевидно, «мягкую»).

Внешнеполитические формулировки XIX съезда рассчитаны на то, чтобы повысить международный авторитет Китая. Одновременно, по мнению ряда экспертов, они прикрывают тот факт, что Китай, осуществляя политику открытости, в соответствии с потребностями своей огромной экономики в небывалых масштабах прибирает к рукам мировые запасы сырьевых ресурсов, рынки сбыта своих товаров и промышленные предприятия. Важным видом экспансии становятся китайские инвестиции за рубеж: в энергетику, инфраструктуру, промышленность, добычу природных ресурсов. Все они имеют геополитическое значение, о чем обычно не говорится. Даже если тот или иной проект не приносит прибыли, доля собственности Китая в нем или задолженность по китайским кредитам государства-партнера дают Китаю рычаги влияния на хозяйственную жизнь и политику данного государства.

Не все китайские предложения принимаются «на ура». Некоторые совместные проекты отклоняются из-за их высокой стоимости, чрезмерно жестких условий китайской стороны и т. д. В продаже некоторых объектов Китаю отказывают из-за их стратегической значимости для обеспечения национального суверенитета. Кроме того, само китайское правительство усиливает контроль за экспортом капитала, стремясь обеспечить коммерческую эффективность инвестиций и направить их в реальные сектора экономики, а это ведет к сокращению их объема. Тем не менее, в целом мы можем говорить о победном шествии китайского капитала и товаров по планете. К нему следует добавить огромный суммарный профицит во внеш-

ней торговле КНР со множеством стран, в результате чего Китай приобретает небывалое влияние и власть в мировой экономике.

При Си Цзиньпине набрали силу такие процессы, как усиление контроля властей над обществом, централизация власти. XIX съезд, внося в устав партии идеи Си Цзиньпина относительно социализма с китайской спецификой для новой эпохи и сделав по всей стране обязательным изучение этих идей, по существу оформил культ личности Си. Возможно, сосредоточение полноты власти в центре, даже в одних руках отвечает внутренним потребностям китайского общества, вызывается необходимостью преодоления сопротивления консервативных сил и разрешения накопившихся противоречий и, возможно, централизация власти станет действенным фактором в проведении назревших реформ. Необходимая для этого политическая воля у Си Цзиньпина, очевидно, имеется, но этого мало: глубокие реформы невозможны без преодоления сопротивления консервативных сил, и может случиться так, что проведение реформ будет подменено борьбой за сохранение личной власти.

В докладе Си отдана дань тенденции многополярности (которая один раз упоминается), однако на фоне различных глобальных тенденций одной из самых значимых нужно считать нарастающее (используя известный термин) «соперничество двух сверхдержав» — теперь уже КНР и США. Учитывая, насколько тесно их экономики сплетены друг с другом и насколько рискованно при их нынешней военной мощи прибегать к оружию, логично предположить что их отношения — «отношения нового типа между большими государствами» — будут развиваться по известной в истории модели: «соперничают и сговариваются», модифицированной в виде формулы «соперничают, сотрудничают и сговариваются».

В «стратегическом треугольнике» Россия—Китай—США Россия находится в самом неблагоприятном положении. Оказавшись изолированной от Запада, оставшись без союзников, она тем самым существенно ослабила и свои позиции в диалоге с Китаем. Нет ничего удивительного в том, что Китай, действуя сообразно логике собственных интересов, фактически не поддержал Россию в политическом плане (в украинском кризисе), а в экономических отношениях повел себя как сугубо коммерческий партнер.

Это и слишком высокие проценты по кредитам для российских компаний, и заниженные цены, предложенные за доли в российских добывающих компаниях (при том, что это — стратегически значимые для России компании), и цены за поставки российского газа. Некоторые российские специалисты прямо говорят, что фактически Китай попытался воспользоваться тем, что Россия попала под санкции и отчаянно нуждалась в средствах. Хотя, конечно, у Китая были свои аргументы: повысившиеся на тот момент инвестиционные и кредитные риски для иностранного бизнеса в России. Примечательно, что это происходило в то время, когда Россия и Китай провозгласили наступление нового этапа в их партнерстве (2014 г.), а российские СМИ активно писали о «повороте на Восток».

Эти факты подтверждают, что углубление китайско-американского соперничества, которым, по всей видимости, будет сопровождаться провозглашенный XIX съездом дальнейший подъем Китая, не сулит России никаких бонусов, если она не сумеет выбраться из нынешней ямы.

Усиление могущества Китая ни в коем случае не означает, что он будет меньше нуждаться в стратегическом партнерстве с Россией. Она по-прежнему будет необходима ему как надежный тыл в его противостоянии Соединенным Штатам; как источник энергетических и сырьевых ресурсов, потребность Китая в которых будет и дальше расти; наконец, как важный рынок его товарной продукции, а также источник некоторых современных технологий. Не случайно Си Цзиньпин в своем ответе В.В. Путину на поздравление по поводу избрания генсеком КПК и во время последнего визита Д.А. Медведева в КНР подтвердил, что Россия остается ближайшим партнером Китая. Примечательно, что последнее время все чаще подчеркивается (видимо, в ответ на возникающие сомнения): «равноправным партнером».

Что может принести России дальнейшее усиление национальной мощи Китая и повышение жизненных стандартов его населения? В прежние годы, в период существования мирового социалистического лагеря, ответ был ясен: усиление Китая означало усиление всего социалистического лагеря. Сегодня дело обстоит намного сложнее.

Во-первых, с усилением национальной мощи Китая ускорится процесс его проникновения в страны ЦА и оттеснение России на обочину экономической и геополитической жизни этого региона.

Во-вторых, не стоит надеяться, что подъем экономики КНР позволит России получать от него больше инвестиций: приток китайских инвестиций в Россию сдерживается не возможностями Китая, а качеством инвестиционного климата в России.

В то же время увеличение разрыва между Россией и Китаем, вполне возможно, приведет к усилению влияния китайского бизнеса на экономику Сибири и Дальнего Востока. С этой точки зрения заслуживает внимания попытка администрации Забайкальского края в 2015 г. по скромной цене (согласно расчетам, 250 руб. за гектар) отдать китайцам в аренду на 49 лет (!) то единственное ценное, чем она располагает — землю, а именно 115 тыс. га сельскохозяйственных угодий с перспективой увеличить их размеры до 200 тыс.

А учитывая реальную практику борьбы с коррупцией в России, можно с большой долей уверенности предположить, что в китайском влиянии будет присутствовать и весомая доля коррупционного влияния. Разительные примеры масштабного сговора отнюдь не мелкого китайского и российского бизнеса вкупе с российскими таможенниками — и на Дальнем Востоке, и Калининградской области — мы уже имеем. Вспомним хотя бы, что в 2005 г. на рынке «Садовод» под Москвой было арестовано более 300 контейнеров с контрабандным китайским ширпотребом на сумму порядка 80 млн юаней. В 2008 г. на Черкизовском рынке были обнаружены 6 тыс. (!) контейнеров с ширпотребом из Китая примерно на 2 млрд долл., ввезенные незаконным путем через Балтийскую таможню.

В-третьих, на фоне стагнации российского общества и достаточно смутных перспектив его возрождения, особенно за Уралом, может повыситься привлекательность Китая для представителей местной элиты — административной, деловой, интеллектуальной — с точки зрения их личных интересов, наподобие того, как сегодня для них привлекательным является Запад. Для одних это будет означать вывод в Китай капиталов, приобретение там недвижимости и т. д.; для других — переезд в Китай на работу. Китайский язык тут не является непреодолимым препятствием: курсы китайского языка перестали быть экзотикой в нашей стране. Вряд ли переток материального и человеческого капитала произойдет скоро, но определенная тенденция — налицо.

Поразительные успехи Китая, казалось бы, должны заставить российские элиты серьезно задуматься над старым вопросом: что же все-таки мешает нам повторить его успехи? Ведь наши политическая и экономическая системы в принципе похожи, им присущи одни и те же дефекты, но в Китае, видимо, умеют сдерживать их разрастание в каких-то границах. Понятно, огромное значение здесь имеет политическая воля лидера страны, но ведь ею проблема далеко не исчерпывается. Понятно, что опыт Запада нам не подходит, у нас свой путь, но ведь мы почти не изучаем и опыт Китая с точки зрения: как там решают сходные с нашими проблемы?

Вместо этого мы, желая показать всему миру и самим себе, что идем в ногу со временем, вдохновляемся примером Китая и надеждами на сотрудничество с ним в сооружении помпезных, но для нас непомерно дорогих объектов, не задумываясь об их окупаемости и не проводя серьезных расчетов. Окупит ли себя ВСМ Москва—Казань? В Китае почти все ВСМ убыточны. Считается, что строительство ВСМ оправдано тем, что они освобождают пути для товарных поездов. Однако для этого параллельная пассажирская магистраль совсем не обязательно должна быть высокоскоростной.

Расчетов нет, но в правительственных документах ее уже рассматривают как участок трансконтинентальной магистрали Пекин—Москва, опять-таки без расчетов затрат и объема пассажиропотоков в этом мегалопроекте. А теперь вдруг, спохватившись, говорят: давайте сначала построим ВСМ Москва—Владимир и посмотрим, будет ли она окупаться. Но ведь окупаемость совсем другого участка ровным счетом ничего не говорит об окупаемости магистрали Москва—Казань. А сама по себе ВСМ Москва—Владимир — нужна ли?

В этой истории видны настойчивые происки лоббистов из российского транспортного ведомства вкупе с могущественным ООО «РЖД», которые, ссылаясь на пример китайского Нового Шелкового пути, не без успеха проталкивают выгодные для себя, но вредные для интересов страны проекты и тем самым воспроизводят пороки советской экономики. Как тут не вспомнить печальный опыт БАМа! Как не вспомнить, что бездумная реализация ведомственных интересов, ради которых были выброшены на ветер гигантские средства, послужила одной из причин, приведших к краху Советский Союз.

Успехи Китая в возрождении китайской нации должны послужить для России толчком, побудить нас к глубокому творческому изучению китайского опыта, с тем чтобы выработать наиболее эффективные способы ускорить собственное развитие. И прежде всего мы должны самым внимательным образом следить за тем, как будут выполняться решения XIX съезда КПК.

3.3. Некоторые аспекты российско-китайского экономического и культурного взаимодействия в свете решений XIX съезда КПК

Российско-китайская торговля: современное состояние и перспективы

Попробуем проанализировать новые возможности, открывающиеся перед российским экспортом в свете выступления Си Цзиньпина на XIX съезде КПК. Прежде всего стоит обратить внимание на два вопроса, а именно — продовольственной безопасности и «зелёного развития».

По сути, это одна проблема — потребление безопасного (незагрязнённого) продовольствия. Даже если на протяжении предстоящих пяти лет КНР будет уделять должное внимание этой проблеме, то в связи со сложившейся к сегодняшнему моменту объективной реальностью экологически чистая продукция китайского производства будет минимальна в корзине среднестатистического потребителя. Это связано со следующими причинами: около 20 % пашни загрязнено тяжёлыми металлами, такими как ртуть, мышьяк, кадмий и свинец; значительная часть рек КНР серьезно загрязнена и практически слабо пригодна для использования в сельском хозяйстве. На официальном уровне признается тот факт, что порядка 3,3 млн га пахотной земли в Китае утеряно безвозвратно в силу непригодности для выращивания сельскохозяйственных культур из-за загрязнения промышленными отходами и пестицидами. По мнению китайских экспертов, снижение плодородия земель сельскохозяйственного назначения становится общенациональной проблемой. Только 30 % используемых удобрений и пестицидов используются эффективно, остальные 70 % наносят непоправимый ущерб окружающей среде.

Россия может прийти на «выручку» южному соседу. Пока роль нашей страны в китайском продовольственном импорте невысока, хотя существуют объективные предпосылки для наращивания экспорта, прежде всего близость к госгранице, привлекательные цены, вызванные девальвацией рубля, и уже закрепившийся в китайском сознании в последние 2—3 года статус российской пищевой продукции как экологически чистой.

На сегодняшний день при стремительном росте китайского импорта продукции сельскохозяйственной и пищевкусовой промышленности доля российской продукции невелика — порядка 2,0—2,5 %. За 8 месяцев 2017 г. прирост российского экспорта продовольственных товаров и сельхозсырья составил 4,7 %, что на фоне роста российского суммарного экспорта в 39,4 % выглядит «скромно».

Однако есть позитивные тенденции. 1 ноября 2017 года в г. Пекине в рамках 22-й регулярной встречи глав правительств России и Китая были подписаны протоколы с Главным государственным управлением по контролю качества, инспекции и карантину КНР (AQSIQ) о фитосанитарных требованиях к пшенице (взамен аналогичного протокола от 17 декабря 2015 г.), а также гречихе, овсу, семенам подсолнечника и льна в Протоколы были включены продукты переработки зерна — крупа гречневая и хлопья овсяные, при этом подписанные Протоколы не содержат ограничений по субъектам Российской Федерации, имеющим право на экспорт гречихи, овса, семян подсолнечника и льна в Китай. Таким образом, подписание указанных протоколов будет способствовать значительному увеличению экспортных поставок зерна и продуктов его переработки на рынок Китая.

К сожалению, Россия осуществляет в основном экспорт сырых продуктов, а не продуктов глубокой переработки с высокой добавленной стоимостью. В результате доходность от экспортной деятельности невелика. Конечно, некоторые меры в рамках китайской инициативы «Один пояс — один путь» должны повлиять на изменение ситуации. Так, долгие годы составы поездов, прибывающих в европейскую часть России из КНР, обратно уходили пустые. Столь нерентабельная логистика была тягостна для всех, но прежде всего для РЖД. С 2017 г. компания «РЖД Логистика» совместно с китай-

скими партнёрами запустила контейнерные поезда по направлениям: Ворсино (Калужская обл.) — Далянь — Ворсино и Ворсино (Калужская обл.) — Чэнду (провинция Сычуань) — Ворсино (через Монголию).

Данные маршруты дают уникальные преимущества клиентам, которые ведут торговые отношения с Китаем. Время доставки грузов сокращается до 14—16 дней (при доставке морем она составляет от 40 до 60 дней). В то время как стоимость доставки ж/д транспортом по данным маршрутам близка к цене доставки морем. Ориентировочная стоимость доставки универсального 40-футового контейнера до Даляня — 2,6 тыс. долл., рефрижераторного — от 4,5 тыс. долл. в зависимости от количества заказанных контейнеров в сцепе. Отправка универсального 40-футового контейнера до Шилуна обойдется в 3,2 тыс. долл. за контейнер. Достигнута договоренность о регулярном сообщении — поезда отправляются каждые 2 недели.

Тем не менее, даже несмотря на такие позитивные подвижки, в ближайшие 5—10 лет доля сельскохозяйственной и пищевой продукции в экспорте России в КНР вряд ли преодолет планку в 10 %. Подобный вывод связан с объективными факторами и прежде всего с жёсткой конкуренцией на рынке китайской пищевой продукции.

Как и прежде, российский экспорт будет представлен прежде всего продукцией ТЭК с минимальной добавленной стоимостью. Можно предположить, что при сохранении современных тенденций доля продукции ТЭК будет лишь возрастать, а продукции с высокой добавленной стоимостью — снижаться. Данная ситуация будет связана со строительством газопровода «Сила Сибири» и китайским интересом к российским углям.

Как ни печально констатировать, но рост в российском экспорте в Китай доли машинотехнической продукции, которая за 8 месяцев текущего года преодолела планку в 7 % всего экспорта, является временным явлением. Этот рост объясняется тем, что в 2017 г. выполняются очередные отгрузки оборудования для Тяньваньской АЭС, а также исполняются контракты по линии ВТС. Если в ближайшие 1—2 года не будет подписано новых серьёзных госконтрактов между нашими странами, то даже привычной доли машинотех-

нической продукции в 1,5—2 % в российском экспорте будет сложно достигнуть.

Что касается географии сотрудничества российских федеральных округов с КНР, то, как и прежде, лидером остаётся ЦФО, на который приходится более 50 % двустороннего товарооборота. По 10 % — у северо-западного, сибирского и уральского ФО. С 2016 г. УФО значительно усилил свои позиции за счёт увеличения отгрузки продукции ТЭК, а также значительного объёма импорта машин для сжижения воздуха или газов для «Ямал-СПГ».

*Китайские инвестиции в РФ:
статистические манипуляции*

В докладе Си Цзиньпина на XIX съезде вновь говорилось о важности «выхода вовне». Стоит напомнить, что в период между XVIII и XIX съездами китайские госкомпании осуществили несколько серьёзных покупок в РФ. Среди них следует выделить: покупку компанией CNPC и Фондом Шелкового пути доли в «Ямал-СПГ», вхождение Sinorec Group в капитал ПАО «Сибур Холдинг» в качестве стратегического инвестора, приобретение 20-процентной доли «дочки» «Роснефти» ПАО «Верхнечонскнефтегаз» китайскими компаниями Beijing Enterprises и Beijing Gas Group Company Limited.

Если посмотреть все китайские приобретения с 2013 г. по настоящее время, то сумма вложенного капитала составит порядка 5 млрд долл., но это только часть крупных сделок, о которых много писали СМИ. При этом официальная статистика двух государств приводит иные данные.

По данным ГСУ КНР, объем китайских накопленных инвестиций в российскую экономику на первое полугодие 2016 г. составлял 8,963 млрд долл. При этом китайские высокие должностные лица озвучивают иные цифры и постоянно в них путаются. Так, представитель Министерства коммерции КНР Шэнь Даньян в январе 2016 г. говорил о том, что объём китайских накопленных инвестиций в России составляет 34 млрд долл. В то время как в декабре 2016 г. он же заявил как о «ярком моменте» 2016 г. о превышении объёма накопленных инвестиций в 14 млрд долл. (в два с лишним раза меньше). А всего через два месяца (в феврале 2017 г.) его непосредственный начальник — министр коммерции КНР Гао

Хучэн — говорил о накопленных инвестициях в России в объеме 42 млрд долл.

Не менее странным выглядит ситуация по провинции Хэйлунцзян, губернатор которой также постоянно путается в цифрах. В марте 2016 г. губернатор Лу Хао говорил о следующих объемах провинциальных инвестиций в Россию: 2013 г. — 510 млн долл, 2014 г. — 1,48 млрд долл, 2015 г. — 4,17 млрд долл. В сентябре 2016 г. тот же господин Лу Хао озвучивает несколько иные цифры: 2013 г. — 407 млн долл., 2014 г. — 700 млн долл, 2015 г. — 4,1 млрд долл. Разница за 2014 г. — более чем в два раза.

По данным ГСУ КНР, суммарные китайские накопленные инвестиции в РФ на 2015 г. составляют 8,9 млрд долл., тогда получается, что инвестиции только одной провинции — Хэйлунцзян — это более 45 % всех инвестиций. Что выглядит крайне странно...

С российской стороны ситуации также неоднозначна. По данным ЦБ РФ на 1 апреля 2017 г., общий объем прямых накопленных инвестиций из Китая составил 2,95 млрд долл., из которых 1,02 млрд относятся к участию в капитале компаний. При этом экс-заместитель министра экономического развития России Станислав Воскресенский в первой половине 2017 г. заявлял о том, что в стадии реализации находятся 17 совместных проектов на 15 млрд долл., начатые в последние годы, причём в эту цифру не входят крупные сделки, связанные с китайскими инвестициями в стратегически важные компании ТЭК. С. Воскресенский не конкретизировал, что это за проекты, но при доскональном изучении китайских потенциальных проектов в России можно обнаружить лишь одну серьёзную сделку в Архангельской области, где планируют реализовать проект строительства железнодорожной магистрали «Белкомур». Проект предполагает строительство новой железнодорожной магистрали протяженностью 1161 км Соликамск (Пермь) — Сыктывкар — Архангельск, с общим объемом капитальных затрат 225 млрд руб. (порядка 4 млрд долл.) в прогнозных ценах.

Большую путаницу в данные о китайских инвестициях вносит Министерство развития Дальнего Востока. Например, в интервью газете «Известия» в январе 2017 г. А. Галушка отметил, что: «На Дальнем Востоке [сотрудничество] развивается весьма активно — реализуется 23 проекта с привлечением инвестиций из Китая

на общую сумму около 3 млрд долл. (почти 1/4 всех иностранных инвестиций, привлеченных в регион)». А декабре 2016 г. тот же министр говорил о том, что «из общего объема инвестиций более 14 % приходится на КНР» (почти в два раза меньше). При этом он не пояснял, о каких инвестициях идёт речь — о всех или ПИИ. А в октябре 2016 г. тот же министр говорил о 21 проекте с участием инвесторов из КНР с объемом инвестиций более 180 млрд руб.

Таким образом, можно понять, что на начало 2017 г. китайские инвестиции в ДФО составили 180 млрд руб., или 3 млрд долл. В реальности в перечне заявок иностранных компаний в ТОР за китайскими инвесторами числится 13 заявок с планируемым объёмом инвестиций 152,7 млрд руб. В СПВ заявок с участием китайских компаний — 8, планируемые инвестиции — порядка 3,817 млрд руб. Итого в ТОРы и СПВ китайские инвесторы намерены вложить 2,7 млрд долл. (а не 3 млрд).

Проблемы китайского туризма в Россию

В последние годы китайские околोकриминальные структуры агрессивно внедряются в туристическую отрасль РФ, прежде всего с целью захвата рынка и извлечения максимальной прибыли без уплаты предусмотренных российским законодательством официальных налогов.

Существует несколько методов работы таких китайских структур. Первый: навязывание российским турфирмам неравноправных контрактных условий, заставляющее российские небольшие турфирмы работать в долг, что уже привело к банкротству ряд старых турфирм.

Второй, более распространённой формой стала работа российских фирм в качестве «прокладок», когда генеральным директором и бухгалтером фирмы являются лица с российским гражданством, а реально 100 % капиталом фирмы владеет гражданин КНР, в результате чего формально фирма остаётся российской и входит в обязательном порядке в «Список российских туристических организаций, имеющих право осуществлять деятельность в рамках реализации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках от 29 февраля 2000 года» (далее — Спи-

сок), а в реальности под её прикрытием работают китайские полукриминальные структуры. Эта схема стала особенно популярной с 2014 г., о чём наглядно говорит статистика. Так, в подобный Список от 2014 г. входило 320 фирм, в 2016 г. — 363, а 2017 г. — уже 463 фирмы. Представляется, что подобный резкий рост должен вселять опасения. Что за новые фирмы выходят на рынок, если у них опыт работы с китайскими клиентами? Возможно, их цель совершенно иная...

Если цель работы советского «Интуриста» состояла, прежде всего, в ознакомлении иностранцев с культурой, историей России и СССР, обычаями народов страны, то китайские теневые турструктуры преследуют другие цели. Для них главное — получение максимальной прибыли с китайских туристов и вывоз денег в КНР с помощью всех возможных нелегальных каналов (помимо проведения официальных финансово-банковских операций).

Исходя из того, что с каждым годом турпоток из КНР в нашу страну возрастает, перед туристической отраслью РФ возникает немало сложных и неоднозначных вопросов. Хотелось бы сказать, что увеличивающийся поток из КНР — это по сути позитивное явление, в основе которого лежит интерес китайских туристов к нашей истории, природе, культуре, традициям нашей страны. В то же время возрастающий объем потока несет с собой новые вызовы и угрозы. В настоящее время во въездном туризме в РФ из КНР прослеживается сочетание двух тенденций — лавинообразного роста турпотока и ещё более стремительного развития нелегального китайского турбизнеса. Мы должны дать соответствующие оценки этому процессу.

В настоящее время сложившаяся ситуация на туристском рынке России не позволяет в полной мере развивать китайский въездной туризм благоприятным образом. Поскольку из-за широкого распространения теневого (нелегального) сегмента почти вся получаемая прибыль от поездки граждан КНР в нашу страну выводится за ее пределы без уплаты каких-либо налогов и сборов (незаконные финансовые операции осуществляются, к примеру, через московский рынок «Садовод» или подобные структуры в других субъектах федерации). Причиной такой ситуации является несовершенство законодательства в данной отрасли и отсутствие законных механизмов

защиты интересов российских честных туристических фирм и лицензированных гидов-китаистов.

Прием китайских туристов является крайне проблемным направлением, требующим пристального внимания и серьезной работы по регулированию и дальнейшему совершенствованию механизма взаимодействия. Одним из первичных вопросов является вопрос подготовки кадров. Именно на этой ситуации, несущей в себе несомненную «угрозу» для России в целом, хотелось бы остановиться.

Во-первых, граждане КНР, работающие в качестве нелегальных гидов (*хэйдào*) с группами китайских туристов в России, нарушают российское законодательство. Во-вторых, граждане КНР, при попустительстве российских ответственных федеральных госорганов создают этнические криминальные структуры, обслуживающие туристов, прибывающих из КНР.

Если в конце 1990-х — начале 2000-х годов в России нелегально работало не более 10 китайских турфирм, которые привлекали к работе исключительно российских гидов-профессионалов с китайским языком, то после подписания в феврале 2000 г. между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики соглашения о безвизовых групповых туристических поездках количество нелегальных китайских турфирм стало стремительно расти, что привело к катастрофической ситуации в отрасли. Спустя 17 лет после подписания соглашения можно с ответственностью сказать, что порядка 85—90 % въездных безвизовых туристов оказалось в руках китайского криминала.

Китайский нелегальный турбизнес имеет общие корни с «черкизоном» в Москве, «черными лесорубами» в Иркутской области, нелегальной добычей и торговлей воднобиологическими ресурсами и прочим нелегальным бизнесом в Приморском крае. Все эти схемы, осуществляемые с нарушением российского законодательства, идут во вред нашей экономике. И этот вопрос выходит далеко за пределы бизнес-интересов, он касается национальной безопасности РФ.

Теперь перейдем к третьей и самой опасной угрозе на рынке китайского въездного туризма, связанной с недопуском российских профессиональных гидов-китаистов к работе с безвизовыми тургруппами из КНР.

В настоящее время в РФ не существует недостатка китаистов. Например, ежегодно выпускают специалистов с прекрасным знанием китайского языка Институт стран Азии и Африки при МГУ, СПбГУ, ДВФУ, МГИМО, Лингвистический университет, Университет Дружбы народов и др. Профессией гидов овладевают и выпускники некоторых курсов по изучению китайского языка (3 года обучение идет в нашей стране, а затем учащиеся проходят годовую стажировку в Китае). В 2016 г. в основных туристических центрах России, принимающих китайских туристов, подготовлено гидов-переводчиков с китайским языком в количестве: в Санкт-Петербурге — 300, и по 120—130 гидов в Москве, Иркутске, Владивостоке.

Все это дает основание утверждать, что недостатка россиян, в основном молодых людей, желающих работать гидами, нет. Такая ситуация — наличие достаточного числа местных гидов, говорящих по-китайски, уникальна для европейских стран, т. к. только в России налажена массовая подготовка специалистов в этой области. Однако, несмотря на очевидный более чем двукратный прирост китайских туристов, многие высококвалифицированные специалисты остались без работы, гиды-«нелегалы» (*хэйдао*) отнимают у них работу.

Помимо жёсткой конкуренции на рынке труда, которую создают *хэйдао*, главная опасность — это содержание турпродукта, который они предлагают гостям из Поднебесной. Для нелегального гида, а также турлидера, сопровождающего группу, самое главное в России — не её архитектурные и природные красоты, а «раскрутка» туриста на деньги и при этом — преднамеренное уничтожение нашей истории и народа. Китайский нелегальный гид вместо реального турпродукта преподносит гостям дезинформацию о нашей стране. При этом негативная и унижительная для России и россиян информация, которую сообщают хэйдао, не является плодом их индивидуального воображения. Многие характеристики, которые используются китайцами для рассказа о нашей стране, повторяются практически всеми нелегалами. Поэтому не следует доверять утверждениям некоторых китайских начальников «от туризма» о практической равноценности информации о России, которую сообщают туристам «гиды»-китайцы и российские аккредитованные гиды, о доброжелательном подходе китайских гидов к нашей стране. Это утверждение рассчитано на то, что никто из русских не владеет китайским язы-

ком в той степени, которая необходима для понимания высказываний китайских «гидов» во время экскурсий в Кремле, на Красной площади и на других объектах показа в России.

То, что в КНР существуют оценки России и россиян «для внутреннего пользования», идущие из «вышестоящих инстанций», китайских учебников по истории и определенных китайских СМИ, не представляет никакого секрета. Современное представление китайцев о нашей стране формировалось в течение длительного времени в определенных исторических условиях, в том числе в период сильной России и униженного полукOLONиального Китая XVIII— XIX веков.

3.4. XIX съезд КПК и российско-китайское сотрудничество в гуманитарной сфере

Основные направления развития КНР, включая международные аспекты, в документах и материалах XIX съезда КПК, прежде всего в Отчетном докладе, достаточно четко структурированы и определены. В полной мере это относится и к стратегии распространения влияния КНР через гуманитарный и культурный диалог, через инструменты «мягкой силы», широко применяемые Пекином в проведении культурной экспансии на международной арене. В Отчетном докладе Генсека ЦК КПК Си Цзиньпина съезду констатируется «значительный рост воздействия «мягкой силы» Китая и влияния китайской культуры».

Гуманитарному взаимодействию в мире в отчетном докладе в той или иной мере посвящено несколько страниц доклада.

На съезде было объявлено о «необходимости стимулировать творческое внедрение и инновационное развитие лучших достижений китайской традиционной культуры, наследовать революционную культуру, развивать передовую социалистическую культуру». И далее: «Истоком и источником социалистической культуры с китайской спецификой является выдающаяся традиционная культура Китая, сформировавшаяся в течение более чем пятитысячелетней истории китайской цивилизации».

Иными словами, выстроена четкая логика для дальнейшего диалога с внешним миром, который должен опираться на традицион-

ную китайскую культуру и ее современные компоненты в виде «социалистической культуры с китайской спецификой». Однако самое важное заключается в реализации, как подчеркивалось в Отчетном докладе, главной задачи: на основе «открытого, инновационного, инклюзивного и взаимовыгодного развития, содействовать межцивилизационным обменам». Такой подход к межкультурному, гуманитарному общению на международной арене позволил заявить на съезде о том, что «Китай привнес китайскую мудрость и китайский вариант решения проблем человечества».

Российско-китайское взаимодействие в гуманитарной сфере к настоящему времени приобрело системный характер. Межкультурные связи приобрели мультивекторный характер, охватывают практически все гуманитарные сферы и стали важным элементом публичной дипломатии, которую обе страны проводят по отношению друг к другу.

Современная публичная дипломатия представляет собой сложное сочетание разнообразных договорно-правовых, культурных, образовательных, информационных, научных, гуманитарных инструментов и механизмов, применяемых для ведения двустороннего диалога. Все эти механизмы присутствуют в российско-китайском гуманитарном взаимодействии.

В основе современного российско-китайского культурного сотрудничества лежит Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, подписанный 17 июля 2001 г. Статья 16 Договора гласит: «Договаривающиеся Стороны всемерно способствуют развитию обменов и сотрудничества в области культуры, образования, здравоохранения, информации, туризма, спорта и права».

Налажен механизм разработки и реализации мероприятий в рамках такого диалога. Он существует в виде Российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству. Двусторонняя комиссия по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта была создана в соответствии с договоренностью между Президентом России и Председателем КНР по поводу активизации взаимодействия в социально гуманитарной сфере, достигнутой 18 июля 2000 г. В виде практического механизма эта договоренность была оформлена решением глав правительств РФ и КНР в ноябре 2000 года. Сначала в структуру этого механизма входили

Подкомиссии по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта. Затем были добавлены новые подкомиссии и рабочие группы, охватывающие такие сферы, как кинематограф, СМИ, туризм, архивное дело, молодежная политика. За 17 лет своего существования Комиссия превратилась в межгосударственный орган, координирующий и стимулирующий взаимодействие правительственных учреждений и общественных институтов в культурно-гуманитарной области. Параллельно создан и работает механизм культурного взаимодействия на региональном уровне.

Практическую основу современных российско-китайских культурных связей определяют несколько позиций:

Во-первых, межгосударственное сотрудничество. Оно носит плановый характер, проводимые акции отличаются масштабностью и широким охватом, а сами мероприятия реализуются при государственной поддержке.

Во-вторых, межрегиональное культурное взаимодействие. Оно также носит плановый характер и регламентируется соответствующими соглашениями, заключаемыми между российскими и китайскими регионами, а также городами-побратимами.

Третьим компонентом являются двусторонние неправительственные институты, сформированные по решению руководства двух стран и ориентированные на стимулирование контактов в гуманитарных и экономических областях. К таким организациям следует отнести Российско-китайский комитет мира, дружбы и развития, Российско-китайский деловой совет и ряд других.

И, наконец, четвертым компонентом практической реализации задач гуманитарного диалога и сотрудничества стали общественные и иные учреждения и институты, созданные Россией и Китаем на территориях друг друга, к которым следует отнести центры национальных культур, общества дружбы, информационные центры, образовательные учреждения, включая Центры изучения русского языка в Китае и Институты Конфуция в России.

Безусловным достижением российско-китайского гуманитарного сотрудничества стала реализация крупномасштабных, долговременных проектов, которые носят перекрестный характер и проводятся поочередно на территориях РФ и КНР. В 2006 г. был впервые проведен Год России в Китае, в 2007 г. — Год Китая России. В после-

дующие годы были проведены также перекрестные Годы китайского и русского языков, Годы туристических обменов, Годы молодежных обменов. В 2017 г. прошли Годы сотрудничества российских и китайских СМИ. Обсуждается вопрос о проведении следующих Национальных годов, посвященных, в частности, литературным обменам. По оценочным данным, в процесс реализации этих программ были вовлечены сотни тысяч людей, с информацией о проведении мероприятий были ознакомлены сотни миллионов граждан обеих стран. А общее число мероприятий превысило 8 тыс.

В 2013 г. по инициативе российского Министерства культуры был реализован еще один проект межкультурного общения двух стран — Российско-китайский культурный Форум, который мог бы стать постоянно действующим дискуссионным институтом специалистов и деятелей культуры двух стран. В 2010 г. в Пекине был открыт Российский культурный центр, который ведет работу по поддержанию контактов с китайской общественностью, ознакомлению граждан КНР с российскими реалиями, однако его финансовые и организационные возможности выглядят заметно скромнее, чем у китайского аналога в Москве (Китайский культурный центр в Москве, созданный в декабре 2012 г.).

В РФ работает 18 Институтов Конфуция и 4 класса Конфуция, которые, благодаря своим финансовым возможностям охватывают практически всю территорию РФ. В Китае работает 11 Русских центров и Кабинетов «Русского мира», однако их финансовые возможности несоизмеримо скромнее китайских.

Вместе с тем, следует признать, что, несмотря на весьма внушительные организационные и технические возможности, уровень современного воздействия на характер и масштабы положительного восприятия России в Китае заметно ниже, чем в те же 1950-е годы, когда не было ныне действующих структур и инструментов по поддержанию гуманитарного диалога.

Теперь кратко о конкретных направлениях гуманитарного сотрудничества двух стран.

Важную роль в диалоге, который ведут Россия и Китай, играет *сотрудничество в области образования.*

В настоящее время в России ежегодно обучается более 20 тыс. китайских студентов. В планах китайской стороны довести их чис-

ленность до 35—40 тыс. человек. В КНР получают высшее образование порядка 10 тысяч россиян. Это весьма неплохие показатели для двух стран, ведь за весь период с 1948 по 1966 г. в СССР было подготовлено около 25 тыс. китайских специалистов, и несколько тысяч советских студентов прошли обучение китайскому языку, медицине в китайских институтах.

Создана правовая база для развития образовательного сотрудничества. Это — межправительственные соглашения о культурном сотрудничестве, о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях, об изучении русского языка в КНР и китайского в РФ, соглашение о сотрудничестве в области образования от 9 ноября 2006 г.

Активизировалось преподавание русского языка в Китае и китайского — в России. Русский язык изучается примерно в 200 китайских учебных заведениях. Распространение китайского языка в России финансово и организационно стимулируется китайской стороной, прежде всего Канцелярией по развитию Институтов Конфуция при Госсовете КНР. Эта программа реализуется через китайское посольство в Москве, которое активно проводит различные мероприятия. В мае 2017 г. при активной финансовой поддержке Отдела по делам образования Посольства КНР в России был проведен 5-й Конкурс на лучшее знание китайского языка среди средних школ РФ. География участников конкурса была внушительной: Москва, Санкт-Петербург, Пермь, Иваново, Казань, Тында, Благовещенск, Владивосток, Хабаровск и т. д. Все расходы, включая проживание, питание и транспорт, были оплачены китайской стороной. Аналогичные формы применяются и по отношению к студентам российских ВУЗов: в конце мая нынешнего года в Казани также проводился очередной Конкурс по китайскому языку среди студентов российских Университетов и институтов.

С 2017 г. в Шэньчжэне начал работу совместный российско-китайский университет, созданный на базе МГУ (договоренность о создании совместного высшего учебного заведения было достигнута еще в 2014 г., во время визита в Китай Президента России). Преподавание в новом университете будет вестись по 12 направлениям и на трех языках: русском, китайском, английском. Среди учебных программ: «Геология, экология, природные ресурсы и энергетика»;

«Информационные технологии и прикладная математика»; «Физика и химия», «Транспортные системы и логистика»; «Здравоохранение и медицина» и др. По окончании выпускники будут получать два диплома — диплом МГУ имени М.В. Ломоносова и диплом совместного университета. Обучение платное. Если проект будет реализован, то он станет первым успешным российско-китайским бизнес-проектом в образовательной сфере.

В перспективе на базе Университета или при его прямом участии планируется открыть инновационный Центр «Дельта Жемчужной реки». Российские и шанхайские вузы объявили о сотрудничестве в подготовке специалистов для космической отрасли. Аналогичное сотрудничество развивается и в сфере подготовки молодых ученых на основе взаимодействия МАИ и Шанхайского университета транспорта для участия в реализации совместного проекта по созданию широкофюзеляжного самолета.

Активно развиваются научные связи. Установлены практические контакты между Академиями наук РФ и КНР. В рамках сотрудничества время от времени реализуются совместные проекты, но это скорее эпизоды, а не правило. Институт Дальнего Востока имеет соглашения о сотрудничестве примерно с 80 исследовательскими Центрами и Университетами КНР. НИУ «Высшая школа экономики» взаимодействует с шанхайскими партнерскими научно-образовательными учреждениями. Осуществляются практические связи по линии учреждений, занимающихся разработками в области естественных наук. Развиваются контакты по линии экспертных сообществ в сфере политологии — в частности, по линии совместной деятельности РСМД и ИДВ РАН на китайском направлении.

В сфере здравоохранения также есть успехи и недостатки. Летом текущего года в Шанхае было подписано Соглашение о создании Центра российско-китайского биомедицинского сотрудничества. В конце 2016 г. Представители Северо-Западного федерального медицинского исследовательского центра (СЗФМИЦ) имени В. А. Алмазова, Шанхайского комитета по экономике и информатизации и Шанхайской ассоциации промышленной биомедицины на встрече в Санкт-Петербурге договорились о совместной деятельности в области телемедицины, терагерцовой терапии и больших данных. В 2003 г. в городе Дацин на Северо-Востоке КНР был создан Российско-ки-

тайский офтальмологический центр. Это — первое в КНР совместное российско-китайское медицинское учреждение, созданное с участием известнейшей в мире МНТК «Микрохирургия глаза» имени академика С.Н. Федорова, а 2005 г. было объявлено о начале совместных исследований этого центра и Харбинского медицинского университета. Кстати, сам центр действует на коммерческой основе, что и объясняет его долгожительство.

Сложнее обстоят дела с китайской традиционной медициной на российском рынке медицинских услуг. Китайская традиционная медицина сегодня превратилась в товар, соответствие которого требованиям XIX съезда КПК ни у кого в Пекине не вызывает сомнения. В России работает целый ряд легальных и «серых» китайских медицинских центров. Нередко китайские медицинские центры, например, в ближнем Подмосковье, работают без соответствующих документов и лицензий, необходимых для медицинской практики, а получаемые доходы выводятся из-под налогообложения. Тем не менее в России формируется Ассоциация китайской традиционной медицины, и в сентябре 2017 г. в здании Президиума РАН на Ленинском проспекте в Москве при участии китайских дипломатов состоялся всероссийский форум специалистов в области традиционной китайской медицины.

Сотрудничество СМИ внешне развивается успешно. Только в 2016—2017 гг., объявленных Годом сотрудничества СМИ, проведено более 200 официальных мероприятий. Есть достижения — начало вещания в КНР кабельного телеканала «Катюша» и другие.

Наметились *подвижки и в кинематографической сфере*. До недавнего времени сотрудничество в области кино продвигалось благодаря административному вмешательству, в том числе продвижение российских художественных фильмов на китайский рынок. Сегодня установление прямых творческих контактов способствовало не только тому, что ежегодно в китайский прокат попадает 3—4 российских фильма, но и прямому творческому сотрудничеству кинематографистов двух стран при одновременном финансировании кинопроектов из китайских источников — кинофильмы «Хардкор», «Он — дракон-2», «Вий-2. Путешествие в Китай», мультипликационные фильмы, совместные сериалы. Сегодня очевидно, что кино — это не только самое массовое искусство, но и форма бизнеса, воз-

возможность вести предпринимательскую деятельность. Китайский кинобизнес в лице корпорации «Далянь Ваньда», которая приобрела вторую по масштабам кинопрокатную сеть в США и одну из крупнейших кинопрокатных сетей Австралии, пока не проявляет интереса к российским кинопрокатным сетям, хотя корейские бизнесмены уже вкладывают в эту отрасль в России свои деньги. Масштабы российского кинорынка пока маловаты для гигантского китайского кинобизнеса.

Туристическая отрасль. Поток китайских туристов из года в год растет. Третий год подряд число туристов из Китая в Россию превышает миллион человек. В прошлом году общее число китайцев, въехавших в Россию с туристическими целями, превысило 1,2 млн, из них более 800 тыс. человек в рамках безвизового туризма. В 2017 г., по оценочным данным, это число будет явно превышено.

Безусловно, одним из стимулов привлечения китайских туристов является то, что Россия входит в сегмент дешевых туристических дестинаций. Но есть и препятствия на пути этого потока — слаборазвитая туристическая инфраструктура, еще только формирующееся гостиничное хозяйство, недостаток квалифицированных гидов-переводчиков, резкая активизация теневого турбизнеса и серых схем.

Безусловно, региональные и центральные власти плотно работают над этими проблемами, и Ростуризм оказывает содействие.

Привлекательными для китайских туристов теперь стали не только Москва и Санкт-Петербург, но и Дальний Восток, Байкальский регион, Казань. Общая картина выглядит достаточно успешно.

Однако в туристической отрасли к настоящему времени возник серьезный конфликт экономических интересов между российскими, с одной стороны, и китайскими (или российско-китайскими) туроператорами.

В этой отрасли при участии китайских бизнесменов и вошедших с ними в деловой сговор российских предпринимателей постепенно сформировалась так называемая «серая зона», которая оказывает негативное влияние на формирование бюджетов турфирм и получение ими доходов, ведет к созданию непрофессиональных, а порой вредных для имиджа России туристических услуг, которые оказывают «серые» китайские турфирмы, привлекая непрофессиональных ги-

дов-переводчиков из числа китайских студентов и оказывая завышенные услуги на территории России.

В начале 2017 г. конфликт интересов перешел в публичную сферу, вовлекая лицензированных переводчиков-гидов, центральные и региональные турфирмы, работающие с въездными туристическими квотами. Причем у этой проблемы обнаружились две составляющие — экономическая и имиджевая.

Туристический бизнес в России стал привлекательным для многих теневых структур, в первую очередь китайских, которые сговариваются с российскими туроператорами и вовлекают китайцев-студентов или проживших несколько лет в РФ граждан КНР, не имеющих необходимой подготовки и права заниматься трудовой деятельностью, что создает напряженность на рынке занятости. При этом возникают серьезные имиджевые проблемы. Гид-переводчик несет ответственность за туристический продукт. И можно представить, какой продукт рекламирует китайский студент, утверждающий, что кусок Царь-колокола образовался из-за того, что по нему выстрелили из Царь-пушки, что Петр Первый был любовником Екатерины второй, а Китай-город в Москве построили китайцы? В результате у китайских туристов создается невероятно искаженный образ современной и исторической России.

Эту проблему сегодня пытаются решить. В 2014 г., когда был принят стандарт гида-переводчика, из этого стандарта выпало положение об обязательном российском гражданстве и аттестации для такого рода профессиональной деятельности. Теперь предложено в законодательном порядке восстановить эти положения, что позволит устранить ситуации, при которых нелегальные гиды-иностранцы допускают оскорбительные и лживые утверждения о нашей стране. А пока, по неофициальным оценкам, до 70 % тургрупп из Поднебесной обслуживаются китайскими экскурсоводами.

Кроме того, туризм в Россию может приносить достаточно серьезную прибыль (поступления от туризма, например, в бюджет Татарстана, в 2016 г. составили, по данным местной администрации, порядка 7 млрд руб.), однако этого не происходит по причине наличия теневых фирм. Схема их работы проста: китайские туроператоры, нередко находящиеся в черных списках внутри КНР, формируют группы туристов, ориентированных на дешевые услуги, получают

оплату в юанях и отправляют эти группы своим китайским или российским партнерам в РФ. Получается, что прием китайских туристов в России ведется силами все той же отправляющей стороны. Партнеры в России в дополнение максимально сбивают цены на услуги и расплачиваются имеющимися в их распоряжении рублями, к тому же часто навязывают дополнительные услуги, например, шоппинг по завышенным ценам.

В результате таких действий выручка остается в Китае. Партнерские же фирмы в РФ отчитываются перед налоговиками нулевыми балансами и не платят налогов. В результате увеличение турпотока не идет на пользу развитию российской туриндустрии.

Добавлю, что Россия была открыта властями КНР для выездного туризма китайцев еще в 1998 г., когда наиболее популярные мировые туристические маршруты были закрыты для поездок китайцев. Сегодня Пекин открыл своим гражданам 146 стран. В 2016 г. за границу выезжали 135 млн китайских туристов, потративших на путешествия 261 млрд долл. США. Теперь российским туристическим компаниям, потерявшим почти 20 лет, приходится прибегать к демпингу, чтобы привлечь к себе путешественников из Поднебесной.

Российско-китайский гуманитарный диалог находится под воздействием целого ряда факторов, которые в ближайшем будущем будут определять его результативность.

Во-первых, развитие общественно-культурных связей требует не только значительных интеллектуальных и организационных усилий, но и серьезных финансовых затрат. Однако многоцелевой и многовекторный характер публичного диалога и гуманитарных контактов двух стран ведет к тому, что при организации культурных обменов друг с другом по государственной линии обе страны исходят из приоритетности своих внешнеполитических задач. На XIX съезде КПК эти приоритеты уже выстроены, и именно они будут определять результативность китайского гуманитарного диалога с остальным миром. К тому же, Россия действует в рамках ограниченных бюджетных средств. В КНР же нет такой проблемы, та же Канцелярия по делам Институтов Конфуция тратит на «мягкую силу» и работу Институтов Конфуция в мире многомиллионные суммы.

Во-вторых, сдерживающее влияние на развитие культурных контактов двух стран оказывает вестернизация культурной сферы.

Эта проблема одинаково стоит как перед Россией, так и перед Китаем. Под ее воздействием оказались российская и китайская молодежные субкультуры, а также такие отрасли, как кинематограф, издательская деятельность и другие.

В-третьих, существующие в России культурные традиции и социальная обстановка пока не позволяют общественному мнению уделять достаточное внимание культурным обменам с Китаем. В силу исторических, образовательных, географических и иных причин общественно-политическая элита России в большей степени тяготеет к Европе, ее представители менее знакомы с китайскими культурными традициями, что сдерживает расширение российско-китайского диалога в политической, экономической и гуманитарной сферах. Аналогичная проблема существует и в Китае, где в условиях признания за русской культурой статуса великой приоритетными являются культурно-экономические заимствования в англосаксонской среде.

В-четвертых, расширение в международной практике применения «мягкой силы», основополагающим компонентом которой является публичная дипломатия со всем ее инструментарием, отражает в первую очередь понимание того, что «мягкая сила», равно как и культурное сотрудничество, призваны обслуживать национальные интересы страны, а, следовательно, учитывать все векторы и приоритеты ее внешней политики. В этом смысле российско-китайский публичный диалог не является исключением. Безусловно, статус стратегического партнерства является положительным фактором перспективного взаимодействия в рамках публичной дипломатии. Однако на них не могут не оказывать влияния меняющиеся приоритеты внешней политики.

В-пятых, ряд институтов, участвующих в публичной дипломатии и культурных обменах, имеют разные статус и финансовое положение, что влияет на качество обменов. Так, российское Общество российско-китайской дружбы, являющееся одним из активных субъектов публичного диалога и публичной дипломатии — общественная, самофинансируемая организация. В то же время его китайских партнер — Китайское общество дружбы с границей — является государственным учреждением, с солидным государственным финансированием. Похожая картина наблюдается и в других рос-

сийских организациях: Союз журналистов России, Союз писателей России и многие другие.

В-шестых, основными проводниками публичной дипломатии в российско-китайских отношениях по-прежнему остаются общественные, научные и образовательные организации, общество дружбы, государственные учреждения. Деятельность российских учреждений в Китае, по разным причинам, имеет географические и финансовые ограничения. Их работа концентрируется преимущественно в столичном или центральном регионе.

В ближайшие годы потребуются значительные усилия для того, что сохранить темпы развития культурных связей на существующем, стабильно высоком уровне. Хотя, возможно, не стоит наращивать количественные показатели, важнее решать те задачи, которые уже поставлены, и преодолеть те преграды, обойти которые пока не удалось.

Инструменты общественного стимулирования российско-китайских отношений нуждаются в дальнейшем совершенствовании. И проблема здесь не во внедрении дополнительного инструментария, а в отладке деятельности уже имеющихся структур, в расширении их возможностей, а также в привлечении крупных частных и государственных корпораций и компаний, которые занимаются бизнес-проектами на территории КНР и располагают определенными средствами на рекламу, благотворительную деятельность, на связи с общественностью этих стран. Было бы полезно канализировать часть этих средств на формирование новых сфер гуманитарного взаимодействия двух наций.

Примечание

¹ См.: URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-11/04/content_41845752.htm

Заключение

Состоявшееся в ходе Круглого стола откровенное обсуждение проблем российско-китайских отношений и внешней политики Китая в свете решений XIX съезда КПК показало, что во взаимодействии двух стран, помимо очевидных достижений, существует также немалое число проблем. При этом несомненно, что отношения с Китаем сегодня являются и должны являться главным направлением внешней политики РФ. Китай является ведущим партнером России как в экономической, так и в политической области.

Вместе с тем происходящее в последние несколько лет определенное «приукрашивание» состояния, характера и существа российско-китайских отношений, происходящее, по нашему убеждению, прежде всего с подачи китайской стороны, мешает видеть существующие проблемы и находить пути и возможности для их решения. Мифологизация российско-китайских отношений, попытка представить их исключительно в безоблачном свете отнюдь не способствует их развитию в направлении долгосрочного сотрудничества.

Один из примеров подобной мифологизации — характеристика нынешнего этапа в отношениях двух стран как «наилучшего в истории отношений», которая одно время присутствовала и в заявлениях высшего руководства РФ. Напомним, что для российской историографии «наилучшим периодом» в отношениях наших стран всегда было принято считать период первой половины и середины 50-х годов XX века, когда Советский Союз и Китайская Народная Республика были связаны Договором о дружбе, союзе и взаимопомощи. И Советский Союз, в полном соответствии с буквой и духом этого договора, такую помощь Китаю всемерно оказывал (в КНР она тогда с полным основанием называлась «братской помощью»). Нам

кажется, что об этом периоде отношений не стоит забывать (а тем более интерпретировать характер советско-китайских отношений в тот период в духе последующих высказываний Мао Цзэдуна).

Второй миф относительно российско-китайских отношений — это заявления о том, что в 2000-х годах стороны окончательно решили (или «закрыли») вопрос о российско-китайской границе. Действительно, в результате заключения Договора 2001 года двум сторонам удалось договориться о линии прохождения границы на всех участках, кроме двух островов у Хабаровска. В 2004 г., после проведения размежевания в районе этих островов (имеются в виду острова Тарабаров и Большой Уссурийский), была решена и эта проблема. Однако заметим, что характер размежевания вызвал довольно неоднозначную реакцию не только со стороны российского населения (посчитавшего, что российская сторона отдала свои исконные территории китайцам), но и со стороны китайской общественности, до сих пор уверенной в том, что оба этих острова должны полностью принадлежать Китаю.

Не стоит забывать и том, что в китайской историографии по-прежнему исходят из позиции, заявленной Мао Цзэдуном в 1964 г., в соответствии с которой Россия в свое время захватила 1,5 млн кв. км китайской территории. Несмотря на то, что в процессе нормализации отношений между нашими странами в 1989 г. было принято решение начать, по словам Дэн Сяопина, «с чистого листа», факт «захвата» Россией огромной китайской территории, которую КНР считает исторически своей, преподносится китайскому населению как «непреложный». И именно в таком ключе изучается в школах и вузах Китая.

Возможно, решению данного вопроса (и снятию соответствующих подозрений российской стороны) могло бы помочь заключение специального договора о границе между нашими двумя странами, в котором стороны заявили бы о том, что существующая граница является окончательной и подтвердили бы отсутствие претензий друг к другу. Несмотря на различную трактовку определенных исторических событий — факт того, что российская сторона имеет по поводу вышесказанного свое мнение, отличное от позиции китайской стороны, также должен быть зафиксирован документально.

Еще один широко распространяемый миф, часто повторяющийся и с китайской, и с российской стороны, касается совпадения

стратегических позиций и интересов России и Китая, вплоть до предложений о заключении военного союза. В этом отношении нужно четко разделять объективное совпадение долгосрочных глобальных интересов народов двух стран, нуждающихся в мире и развитии, а также в установлении более справедливого порядка в международных делах (включая борьбу за изменение сложившейся мировой финансовой и экономической системы). И существующие конкретные различия в позициях двух стран по различным международным проблемам, объясняющиеся их различным положением и различным местом в системе международных отношений, в том числе в структуре мировой экономики. А также различным подходом к решению определенных международных вопросов.

Это необходимо для того, чтобы не поддаваться магии слов и не заниматься самоуспокоением, а видеть конкретные различия и тщательно с ними работать в пользу сближения позиций и нахождения точек соприкосновения.

Например, когда мы говорим о том, что «Россия и Китай выступают против попыток отрицания, искажения и фальсификации истории Второй мировой войны и отстаивают ее итоги»¹, не стоит забывать, что не только в ряде западных стран, но и в Китае сегодня активно осуществляется пересмотр истории Второй мировой войны в попытках доказать, что именно Китай понес в ней наибольшие жертвы и внес наибольший вклад в победу над фашизмом и милитаризмом.

Точно также когда мы говорим о том, что «стратегическим консенсусом» России и Китая является противодействие международному терроризму², мы не всегда учитываем тот факт, что Россия и Китай вкладывают в понятие международного терроризма разное содержание — в то время как для России это прежде всего ИГИЛ, для Китая главным противником является Исламское движение Восточного Туркестана и другие уйгурские националисты.

То же самое касается и сотрудничества в сфере безопасности в целом. Например, в опубликованной в январе 2017 г. Белой книге КНР по сотрудничеству в сфере безопасности в АТР в перечне важных для Пекина механизмов в сфере безопасности ШОС занимает предпоследнее место, а структура ШОС по борьбе с терроризмом — РАТС — не упомянута вообще. А одну из первых строчек по важно-

сти в списке занимает новый антитеррористический механизм с участием Китая, Афганистана, Пакистана и Таджикистана, который не включает Россию и не связан с ШОС³.

Подобных примеров можно приводить много — серьезные различия в подходах существуют и по ситуации на Украине и вопросу принадлежности Крыма, и по событиям в Сирии, и по поводу путей и способов «сопряжения» проектов ЕАЭС и «Один пояс, один путь» и др. В очень многих случаях можно обнаружить различия и в подходе сторон, и в понимании причин и следствий происходящих процессов.

Повторим — это не мешает искать точки соприкосновения, совсем наоборот — только при фиксации различий можно искать и находить то общее, главное, что нас сегодня объединяет и сближает.

Подчеркнем еще раз, что Китай сегодня — главный и наиболее важный партнер РФ на международной арене, что обусловлено не только ухудшением отношений России со странами Запада, но и сложившейся международной ситуацией в целом. Однако при этом не следует забывать о том, что Китай — крайне сложный партнер, не только преследующий в мировой политике свои собственные интересы, но умеющий их жестко отстаивать. И эти интересы далеко не всегда и не во всем совпадают с интересами России.

Примечания

¹ Российско-китайский диалог: модель 2017: доклад № 33/2017 / С.Г. Лузянин (рук.) и др.; Х.Чжао (рук.) и др.; Российский совет по международным делам. НП РСМД, 2017. С. 7.

² Там же.

³ Там же. С. 67.

Summary

This collective monograph is written by a team of researchers from the Center for the Studies and Forecasting of Russia-China Relations of the IFES RAS and other divisions of the Institute. The book is devoted to analysis and forecast of the Russian-Chinese relations' development in the light of decisions made by the XIX China's Communist Party Congress held in October 2017. The scientific groundwork of the monograph is represented by results of the Round Table, organized by the Center in November 2017, during which the PRC's foreign policy problems as well as issues of Russian-Chinese relations were examined.

The monograph also describes new approaches of the Chinese leadership to some key aspects of the PRC's domestic and foreign policy and studies those theoretical constructions put forward at the Congress which concern foreign policy of the PRC. Special attention is paid to prospects of Russian-Chinese economic and political relations' development.

Keywords: Russian Federation (RF), People's Republic of China (PRC), Communist Party of China, Russia, China, Party Congress, foreign policy, economy, Russian-Chinese relations.

ОБ АВТОРАХ

Александрова Мария Викторовна (Maria V. ALEXANDROVA), кандидат экономических наук, ведущий научных сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: alexandrova@ifes-ras.ru

Виноградов Андрей Олегович (Andrey O. VINOGRADOV), кандидат исторических наук, ведущий научных сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: vinandr@mail.ru

Галенович Юрий Михайлович (Yuri M. GALENOVICH), доктор исторических наук, профессор, главный научных сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

Давыдов Андрей Сергеевич (Andrey S. DAVYDOV), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН, заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока».

E-mail: davydov@ifes-ras.ru

Исаев Александр Сергеевич (Alexander S. ISAEV), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: isaev@ifes-ras.ru

Ларин Александр Георгиевич (Alexander G. LARIN), кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: aleklar@yandex.ru

Ломанов Александр Владимирович (Alexander V. LOMANOV), доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: a_lomanov@hotmail.com

Лузянин Сергей Геннадьевич (Sergey G. LUZYANIN (LOUSIANIN)), доктор исторических наук, профессор, директор Института Дальнего Востока РАН, руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: lousianin@ifes-ras.ru

Мокрецкий Александр Чеславович (Alexander Ch. MOKRETSKY), старший научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: 88am@mail.ru

Островский Андрей Владимирович (Andrey V. OSTROVSKIY), доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, руководитель Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН.

E-mail: ostrovski@ifes-ras.ru

Сафронова Елена Ильинична (Elena I. SAFRONOVA), кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН, ответственный редактор- составитель ежегодного издания «Китай в мировой и региональной политике. История и современность».

E-mail: safronova@ifes-ras.ru

Уянаев Сергей Владимирович (Sergey V. UYANAEV), кандидат исторических наук, заместитель директора ИДВ РАН, руководитель Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: svuyav@yahoo.com

Научное издание

**Решения XIX съезда КПК и перспективы
российско-китайских отношений**

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Редактор *Г.П. Манчха*
Корректор *Г.П. Манчха*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 10.02.2018.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 7,0. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.).
Заказ № 3

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:

117997 Москва, Нахимовский пр-т, 32.